

Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества

Выпуск 15

*«Лишь в те моменты истории, когда мы переставали воображать,
будто кто-либо, из живущих за пределами России, желает ей добра –
всё становилось на свои места: зёрна падали вниз, пшеница росла вверх,
воздушные замки превращались в каменные крепости,
а пушки – стреляли без промаха...»*

Л. Н. Пищик

САРАТОВ
2022

УДК 94(470.4)
ББК 63.3(235.547)я43
Н60

**Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского
генеалогического общества. Вып. 15.**

Саратов: Изд-во ЦГО, 2022. – 240 с., 4 с. ил.
ISBN 978-5-6041871-8-0

Пятнадцатый выпуск продолжающегося издания Царицынского генеалогического общества. Выходит с 2009 года. Включён в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Содержит статьи по истории, генеалогии, геральдике, биографике, краеведению, некрополистике и другим специальным историческим дисциплинам. Будет интересен и полезен всем ревнителям истории Среднего и Нижнего Поволжья и Придонья.

**УДК 94(470.4)
ББК 63.3(235.547)я43**

Все материалы настоящего выпуска публикуются в авторской редакции. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за содержание статей, точность приведённых фактов, цитат, статистических данных, собственных имён и иных сведений несут авторы публикуемых материалов.

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение материалов сборника возможно только с письменного разрешения издателя, при условии обязательной ссылки на НВИС ЦГО. Любые попытки нарушения этих требований будут преследоваться в судебном порядке.

Царицынское генеалогическое общество:
<http://www.gen-volga.ru>
E-mail: info@gen-volga.ru

ISBN 978-5-6041871-8-0

© Астафьев Е. В., 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Царицынское генеалогическое общество, 2022

*Евсюков Дмитрий Евгеньевич,
историк-краевед, г. Москва*

**К истории
Терсинского железоделательного завода
купца И. Морозова**

Историография

История Терсинского железоделательного завода, построенного белгородским купцом И. Морозовым, занимает ключевую роль в истории слободы Успенская – Рудня (совр. р.п. Рудня, районный центр в Волгоградской обл.). О том, что такой завод существовал в окрестностях Рудни, известно давно, о нём писали многие краеведы. Пристальное внимание его истории уделили Е. В. Хорошунов, работавший с материалами фонда Берг-коллегии в РГАДА [35], [39], В. А. Гончаров [38] и другие. Были высказаны различные версии о месте нахождения завода и рудников. Несколько лет назад московский исследователь В. Терехов предоставил в Руднянский музей выписку из одного из многочисленных экстрактов из фонда Берг-коллегии¹, содержание которого хронологически охватывает весь период существования Терсинского завода.

Следует отметить, что история завода в целом хорошо исследована специалистами по истории чёрной металлургии, поскольку эта тема была особо актуальна в период индустриализации в довоенном и послевоенном СССР. Основное внимание в таких исследованиях прежде всего уделено производственным вопросам: изы-

¹ Экстракт – в государственных учреждениях XVIII–XIX вв. краткое изложение содержания дела с приведением выдержек из документов. Упомянутый экстракт подготовлен («сочинён») по внутреннему указанию Берг-коллегии 11.12.1775 г. для принятия окончательного решения о существовании завода, а рассмотрен через полтора года, 03.05.1777 г. [12, л. 466–472 об.]. Подобные экстракты часто встречаются в делах, благодаря чему мы можем ознакомиться в том числе с текстами не сохранившихся документов (а также документов других ведомств), зачастую копии одного и того же документа встречаются несколько раз в разных экстрактах.

сканию месторождений, качеству руды, технологиям производства, оборудованию и инструментам, объёмам выпуска и т. д.

Одним из первых на Терсинский завод обратил внимание профессор П. Г. Любомиров, уроженец Саратова, заведующий кафедрой русской истории Саратовского университета, который, однако, в своей монографии 1937 г. заметил, что «мы мало имеем о нём сведений» [30, с. 125]. В 1945–51 гг. кафедра истории горной техники Московского горного института под руководством профессора А.А. Зворыкина провела довольно детальное исследование, результаты которого изложены в [32, с. 153–200]¹, проследив судьбу завода до 1756 г. Завершая повествование сообщением о передаче завода по наследству семье И. Морозова, отмечено, что «дальнейшая его судьба пока нам не известна» [32, с. 173]. В 1950-х гг. исследования продолжил ученик А. А. Новосельского, сотрудник Института истории АН СССР профессор Н. И. Павленко, который в своей монографии кратко изложил новые сведения о Терсинском заводе, установив факт остановки предприятия в 1758 г. и исключение вдовы Морозовой из числа заводовладельцев в 1778 г. [33, с. 176–179]. Из последних публикаций можно отметить диссертационное исследование В. А. Григоровой, защищённое в Воронеже в 2006 г., в котором помимо производственного процесса впервые уделено внимание рабочему составу Терсинского завода [26, с. 113–116].

Однако все упомянутые историки в рамках поставленных перед собой задач (история металлургии) работали с ограниченным количеством дел из фонда Берг-коллегии: Павленко – [8], [12], [17], Зворыкин – [6], [9], В. А. Григорова – [6], также и краеведы: Е. В. Хорошунов – [12]. В рамках настоящего исследования в фонде Берг-коллегии РГАДА было выявлено 12 дел, непосредственно связанных с Терсинским заводом ([6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17]), кроме того, для анализа привлечены материалы других фондов (в частности, межевого архива) и архивов, что позволило составить наиболее полное и комплексное представление об истории завода.

¹ Причём если в первом издании 1949 г. отмечалось, что судьба завода после 1744–45 гг. не известна [27], то с обнаружением новых архивных документов, она была продолжена до 1756 г. [32, с. 167].

Вместе с тем детальное рассмотрение истории Терсинского завода, которая сама по себе оказалась довольно интересной, не входит в задачу настоящего исследования, да и нет возможности описать её в отдельно взятой статье. Несмотря на то, что завод существовал совсем недолго – около 20 лет (если учитывать и период, когда он находился в упадке), а работал с перерывами не более 10 лет, количество выявленных архивных материалов таково, что позволяет написать о нём полноценную монографию. Так, только в фонде Берг-коллегии насчитывается около 1,3 тыс. листов различных документов.

В рамках настоящей статьи нас в большей степени будут интересовать не производственные процессы, а люди: социальный статус и происхождение поселившихся здесь работников, виды их занятости на заводе, события из жизни, а также взаимоотношения между ними (заводчиками, жителями, помещиками и др.), в т. ч. различные споры, конфликты и так далее. Конечно, при этом не обойтись без изложения общей канвы событий для иллюстрации меняющегося статуса завода и как следствие положения его работников.

Несколько вводных замечаний

Уже А. Н. Минх отмечал, что русские крестьяне Рудни происходят из работников бывшего «чугунно-литейного завода», которые после его уничтожения были определены «на ясак». У одного из бывших ясачных крестьян в конце XIX в. даже хранилась чугунная плита весом около 20 пудов, отлитая на этом заводе [31, с. 849]. Комплекс изученных документов со списками работников Терсинского завода за конец 1740-х – сер. 1760-х гг. (приведены в Приложении) однозначно подтверждает связь великороссийского населения Рудни¹ с заводскими крестьянами.

Вопреки мнению, которое иногда встречается в литературе, приписные крестьяне Терсинского завода, за исключением нескольких мастеровых², не были потомственными заводскими ра-

¹ В 4–7 ревизиях они записаны как ясачные крестьяне, затем вошли в состав государственных и составили 2-е крестьянское общество Рудни.

² Согласно выявленным документам единственный потомственный мастер – это Иван Андреев сын Кузнецов, отец которого был кузнецом, а

ботниками и не были наняты с других партикулярных (т.е. частных) заводов, а относились к различным категориям беглых крестьян (преимущественно бывших дворцовых, в меньшей степени ясачных и других – см. далее ведомость работников за 1747 г.). Не являлись они и в классическом смысле крепостными (заводчик Морозов не покупал их), а были бессрочно приписаны к заводу¹. Как будет показано ниже, крестьяне Терсинского завода до определённого времени, по-видимому, не имея контакта с крестьянами других заводов, даже не представляли себе своего истинного положения (например, не были осведомлены о своих правах получать плату за работу на заводичу). История появления и происхождения работавших на заводе малороссиян в данной статье не рассматривается – это тема будущей статьи.

Из-за ограниченности объёма преимущественно приводятся только факты, извлечённые из архивных документов, иногда в ущерб описанию общего исторического контекста. С другой стороны, для предоставления читателю максимально детальной информации, по возможности указываются точные даты документов и событий. Кому-то это может показаться избыточным, однако мы исходим из того, что исследования в данном направлении будут продолжены и для дальнейшего анализа знание конкрет-

затем работал на различных железных заводах, в том числе на заводе Милякова, но по болезни сошёл в Войско Донское, затем просил по состоянию здоровья определить его в богадельню в Царицыне, но был отправлен на Терсинский завод, где работал с января 1752 г. по октябрь 1758 г. [15, л. 463–466].

¹ Приписные заводские крестьяне формально оставались в собственности предыдущего владельца (в данном случае государства), но бессрочно прикреплялись именно к предприятию (а не к населённому пункту или земле) для отработки подушной подати через систему т.н. «плакатных» цен (Гл. I. п. 7 Плаката от 26.06.1724 г. [34, Т. VII, №4533]). Приписных крестьян нельзя было продать, только возвратить предыдущему владельцу. Однако на практике их положение зачастую было хуже, чем у крепостных, а иногда они оказывались почти в положении рабов. Только в 1760 г. отменена вечная принадлежность приписных к заводам [34, Т.XV, № 11087], в 1763 г. приписные получили ряд послаблений [34, Т.XVI, № 11790], но для Терсинского завода это было уже не актуально, поскольку к тому времени он уже не работал.

ных дат может оказаться весьма значимым. Однако нужно учитывать, что с каждым документом было связано несколько дат. Так для доношения (прошения, челобитной) имеется дата составления документа (обычно в конце его текста), дата подачи в ведомство (отметка «получено», «подано» с входящим номером в верхней части первого листа) и дата рассмотрения (пометы: «докладывано», «слушано» – обычно в конце документа; иногда указаны даты решений, отправки ответного указа и т.п.). Даты составления, подачи и рассмотрения нередко отстоят друг от друга на несколько месяцев, а то и на полгода и больше. Для указов в статье приводится собственно дата выпуска указа, но в документах также встречаются даты его отправки, поступления в нижестоящую инстанцию, иногда упоминается дата слушанья и принятия решения. Длительное время движения документов не раз приводило к ситуации, когда заводчики, не дождавшись ответа из Берг-коллегии, направляли очередное обращение, не подозревая, что ответ находился уже в пути. После изучения всего комплекса делопроизводств становится ясно, почему история запуска, а затем закрытия недействующего завода тянулась так долго.

Терсинский железоделательный завод Морозова – первенец металлургической промышленности на юго-востоке России, снабжавший своей продукцией преимущественно Бахмутские и Торские соляные заводы и Войско Донское [32, с. 172]¹. Во всей Астраханской губернии (куда первоначально относилась территория, на которой был построен завод), это был единственный такой завод. Отечественные историки относят его к предприятиям среднего размера.

Исследователи отмечают хороший уровень технического оснащения Терсинского завода, а также обращают внимание на укомплектованность его штата исключительно русскими людьми – на производстве не было ни одного иностранного мастера

¹ Экономика завода (в т.ч. рынки сбыта) в данной статье подробно не рассматривается. Приведём лишь несколько фактов: в Войско Донское (Черкасск) помимо чугуна отпускалось большое количество металлических изделий – половых досок, котлов и др., на ярмарки в Саратов и Дмитриевск отправлялась посуда (сковородки и др.). Так, в 1753 г. у Морозова на заводе обнаружено в запасе 50 котлов и 210 сковородок [6, л. 222 об., 248 об., 380 об.], [12, л. 321 об.].

[26, с. 114], [32, с. 170–171]. Первые исследователи деятельности завода (по-видимому, частично под влиянием идеологических догм времени) не скупятся на лестные оценки личных и профессиональных качеств Морозова: «яркая и самобытная» фигура [32, с. 153], «талантливый организатор», знающий горнозаводское дело, «опытный техник-самородок», который в сложных условиях незаселённого края смог не только осуществить масштабные изыскания, но и построить первый на юго-востоке России завод [27, с. 55, 61].

В разгар деятельности, в начале 1754 г. оборудование завода было представлено гидросооружением – плотиной «между рублеными свинками насыпана землею», сланье с двумя вешняшными (вешняковыми) прорезами (правый с двумя ларевыми, левый – с одним)¹. К плотине прилегали следующие основные строения. На правой стороне Терсы – молотовая фабрика из дубового леса с одним молотовым станом и со всем необходимым оборудованием, она приводилась в действие подливным колесом; молотовый горн из кирпича с двумя деревянными мехами – наливным колесом (тут же размещался кузнечный горн с двумя кожаными мехами). Доменный корпус, выстроенный из дикого и мелового камня с известью, в котором располагался доменный горн из горнового камня с кирпичной трубой, на его подливное колесо шёл спуск из того же вешняка. Рядом с домной была построена рубленая изба для проживания заводских рабочих людей, доменный сарай с двумя деревянными мехами и меховым валом.

На левой стороне Терсы была сооружена рубленая мучная мельница, в которой имелся один постав и рубленая же толчея («толчёная») с двумя валами на 9 и 2 песта, «промывана для толчения и промывки из соку чугуна»². Управлялась мельница из левого вешняка – один спуск на мельничное и два на толчёные наливные колёса [6, л. 333–334], [26, с. 114–115], [32, с. 169].

Нужно отметить, что подробную информацию о заводе мы имеем благодаря тому, что в период его существования сюда с завидной

¹ Слань, свинка, вешняк, прорезы – конструктивные элементы деревянной плотины. Технология строительства заводских плотин на примере демидовских заводов подробно рассмотрена в [37].

² Сок железный (чугуна) – так в то время называли шлак.

регулярностью направлялись различные инспекции¹, оставившие богатый материал в виде описей(ведомостей) за разные годы, в которых перечислены не только заводские строения и имущество, но и довольно подробно описано хозяйство Морозовых, включая количество скота, лошадей, пчельников, домашнего имущества и др.² Наконец, сохранились несколько поимённых списков работников завода разной степени подробности, за 1743, 1747, 1754, 1756, 1758 и 1765 гг., публикуемые в рамках настоящей статьи.

Государственная политика XVIII в. поддерживала инициативы по разработке полезных ископаемых («подземных сокровищ» и «подземных богатств»). Вектор развития горнорудной промышленности был определён ещё при Петре I. Желаяшим разрабатывать недра по указу 1719 г. предоставлялись широкие привилегии («берг-привилегии»³), по которым и мне только позволялось построить завод (в том числе на чужой земле – с отчислением собственнику 1/32 части прибыли), но и обеспечивались права наследственной собственности на него, что ограждало начинающих промышленников от чрезмерного вмешательства в их дела местных властей. Впоследствии система привилегий претерпела некоторые изменения, а основным актом, регулирующим горнорудное дело, стал Берг-регламент от 03.03.1739 г., который предоставил промышленникам ещё больше прав. В частности, они получили преимущественное право на разработку полезных ископаемых и постройку завода (вне зависимости от желания собственника земли, но были обязаны отчислять

¹ Как по инициативе самой Берг-коллегии, так и в процессе принятия решений по многочисленным челобитным от Морозовых в попытке сохранить завод, и со стороны недоброжелателей (прежде всего Нарышкиных) с предложениями уничтожить его.

² В хозяйстве имелись коровы, свиньи, гуси, индейки, лебеди, овцы, ульи с пчёлами, лошади. Описаны домашние постройки, внутренняя обстановка и имущество, в т.ч. святыне образа, книги, посуда (серебряная, медная, оловянная, чугунная), белье (подушки, одеяла, наволочки, простыни), другое домашнее имущество (ковры, палас, скатерти, салфетки), одежда и обувь (кафтаны, камзолы, юбки, шуба, корсет, сапоги, шляпы). Такие описи сохранились за 1753 и 1758 гг. и могут стать предметом отдельного исследования.

³ Именной Указ 10 декабря 1719 г. «Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах» [34, Т. V, № 3464].

ему уже 2% от объёма произведённого металла), а также право на отвод дополнительной земли, даже больше участка 250x250 сажень, установленного Берг-привилегией.

Период разведки месторождений

Для начала нужно отметить такой мало освещаемый факт, что Морозов вёл изыскания не только в районе бассейна реки Медведицы, но и во многих других местах, в т.ч. на территориях Курского, Обоянского и Бахмутского уездов.

Хронологически история Терсинского завода начинается с соглашения¹, заключённого 28.07.1740 г. (на следующий год после выхода Берг-регламента) между тремя компанейщиками (совладельцами)². Ими выступили белгородский купец Иван Иванович Морозов (инициатор), полковник Терского полка Астраханского гарнизона, в то время статский советник, занимавший должность коменданта Царицына, – Пётр Фёдорович Кольцов, и секретарь Царицынской комендантской канцелярии Иван Григорьевич³ Григорьев. Через три недели, 19.08.1740 г., в упомянутую канцелярию на имя коменданта Кольцова поступает доношение⁴ от Морозова и Григорьева, в котором они сообщают о найденных между реками Иловлею и Медведицей рудах с возможным содержанием серебра и краске охре. Уже через день (видимо по совету Кольцова) эти же двое составляют подобное обращение уже в адрес Генерал-берг-директориума⁵, а ещё через день,

¹ Текст соглашения приводится, например, здесь [17, л. 513–514 об.]. В советской историографии особо отмечалось, что контракт, заключённый между компаньонами, представлял собой самый ранний пример делового союза между купцом и дворянином, в котором главной фигурой был купец [33, с. 177].

² Компанейщик – участник, член торговой или промышленной компании, компаньон.

³ Кольцов в частной переписке называет Григорьева «Иван Григорьевич».

⁴ Здесь и далее доношение – это сообщение (донесение) нижестоящего учреждения или должностного лица вышестоящему, один из видов служебной корреспонденции в XVIII в.

⁵ Генерал-берг-директориум (Берг-директориум) – особый орган по руководству горнорудной промышленностью (без коллегиального порядка

21.08.1740 г., вместе с сопроводительным доношением за подписью Кольцова весь пакет был направлен в горное ведомство, где рассмотрен при докладе 09.09.1740 г. [6, л. 1–5].

Необходимо отметить, что первоначально компаньоны нацелились на поиск серебряных руд, не планируя строить завод для выплавки чугуна¹. Однако ни в одном из пяти образцов, направленных на пробу в Берг-коллегию, благородного металла выявлено не было. Согласно заключению лаборатории только в двух из них содержалось от 12,5 до 22 фунтов чугуна на центнер, а в остальных трёх и вовсе не было выявлено никакого металла. В соответствии с резолюцией Берг-директориума и указом, направленным Кольцову уже 15.09.1740 г.², в руде подтверждалось наличие железа, а охра признавалась годной к производству краски. Кроме того, был отправлен и указ в ближайшее горное начальство в Казани с целью отправки к компаньонам берг-офицера для освидетельствования достаточности залежей руды и количества леса, а при положительном результате – выдачи разрешения на строительство завода [6, л. 7–9]. Соответствующий разрешительный указ был выдан 22.07.1741 г. (его текст пока не обнаружен). Однако через несколько месяцев, 06.12.1741 г. компаньоны заявили, что не имеют намерения строить завод по производству чугуна, но готовы продолжить изыскания. Оказалось, что после получения июльского указа Морозов с нанятыми им людьми с июля по ноябрь ездили по разным местам для сбора новых образцов, которые он от лица компаньонов и привёз в Москву. Кольцов и Григорьев выдали Моро-

принятия решений), учреждённый указом от 4.09.1736 [34, Т. IX, №7047] путём выделения горной и минеральной экспедиции из ведомства Коммерц-коллегии, в которую горное дело было передано после ликвидации Берг-коллегии в 1731 г. Позднее ввиду злоупотреблений генерал-берг-директора данный орган был ликвидирован, а указом от 7.04.1742 г. Сенат восстановил Берг-коллегию в Москве и Берг-контору в Петербурге [34, Т. XI, № 8543].

¹ Н.И. Павленко предполагал, что веру компаньонов в возможность найти серебряную руду поддерживал И.Морозов [33, с. 177].

² Неверно утверждение, что в ожидании экспертизы прошло около полутора лет, а ответа от Берг-директориума получено не было [33, с. 177]. Соответствующий рапорт пробирного ученика был подан в начале сентября, а рассмотрен Берг-директориумом 11.09.1740 г.

зову доверенность – «верущее письмо», которым поручали ему вести все дела компании. Кроме того, компаньоны просили Берг-директориум выдать им «позволительные» указы во избежание препятствий, которые могли возникнуть со стороны местной администрации или жителей соответствующих земель, а также просили по весне 1742 г. прикомандировать к ним горного офицера и мастеров для освидетельствования найденных новых месторождений [6, л. 13–16], [17, л. 515–515 об.].

Лабораторные исследования шести новых образцов, проведённые в январе 1742 г., выявили небольшое содержание серебра только в одном из них (взят на речке Кундрючьей¹ при реке Северском Донце), а ещё в двух образцах (при реке Медведице и между речек Бурлук и Добринка) содержался чугун – от 43 до 48 фунтов на центнер [6, л. 17].

В следующие два месяца горное ведомство дважды рассматривало доношения компаньонов, в которых они, ссылаясь на общегосударственный интерес дела («следует к интересу Ея Императорского Величества и общенародной государственной пользе»), просили для выполнения земляных работ подыскать им работников из казачьих станиц и из российских селений, для чего направить соответствующие указы воинскому атаману Войска Донского, а также разрешить им покупать крестьян для заводских работ.

В итоге Генерал-берг-директориумом был выпущен ключевой в истории завода указ, датированный 03.02.1742 г. и адресованный всем местным администрациям («генерал-губернаторам, губернаторам, вице-губернаторам, воеводам и правителям»), который впоследствии не раз использовался компаньонами для защиты от различных посягательств на собственность завода (в том числе со стороны Нарышкиных). Основными положениями указа (кроме требования к администрациям не чинить заводчикам никаких препятствий в изысканиях) были следующие. Компаньонам разрешалось содержать сыродутные печи, а для освидетельствования рудных месторождений указано направить к ним искусного штейгера (или унтер-штейгера)² с Пет-

¹ Река Кундрючья – приток Северского Донца на территории, которая в то время относилась к Войску Донскому.

² Штейгер – мастер, ведавший рудными (подземными) работами, обычно это был квалифицированный горнорабочий.

ровских заводов. Казачьим командирам было велено на время спустить воду с мельницы для лучшего доступа к месторождению¹, где было обнаружено серебро. Также заводчикам в соответствии с указом 1736 г. было разрешено покупать крестьян (но «без земли и не целыми деревнями»)². Но самое главное, к чему впоследствии апеллировали компаньоны, отклоняя претензии других ведомств, – Морозова и его людей указали ведать только по горному ведомству, а любые вопросы и проблемы решать путём обращения в Берг-директориум³. Аналогичный указ был направлен в Белгородскую губернскую канцелярию с тем, чтобы последняя не накладывала на Морозова иные взыскания, а также 04.02.1742 г. в канцелярию Петровских заводов для выдачи берг-офицера [6, л. 26–32].

С целью получения доступа к серебряным рудам, найденным на речке Кундрючьей, команда во главе с Морозовым и Григорьевым с сентября по декабрь 1742 г. находилась во владениях донских казаков, но воду полностью спустить не удалось из-за недостатка работников и риска разрушения мельницы⁴. Но компаньоны не сдавались, всё ещё надеясь найти новые залежи серебра, для чего предоставили ещё четыре пробы из разных мест Курского, Обоянского и Бахмутского уездов, в одном из которых они подозревали наличие благородного металла. Однако результаты лабораторных исследований, доложенные в Берг-коллегии 07.05.1743 г., выявили только наличие серного кварца, серы, а в двух образцах – чугуна. Кроме того, выяснилось, что места в Бахмутском уезде, где была обнаружена железная руда – при реке Северский донец близ городка Сухорева, уже разрабатывались другой компанией во главе с белгородским купцом И. А. Гинкиным (т.н. «Сухаревские компанейщики») на предмет добычи свинца. Компаньоны ещё некоторое время поборолись за эти месторождения (крайнее доно-

¹ Доступ к руде с содержанием серебра осложнялся тем, что это место было затоплено после постройки на реке мельницы донскими казаками.

² Имеется в виду указ от 07.01.1736 г. [34, Т. IX, № 6858], п. 9 которого содержит норму, процитированную в скобках.

³ Эти нормы были предусмотрены Берг-регламентом 1739 г.

⁴ Подробнее см. донесение от компанейщиков с описанием хода работ от декабря 1742 г., опубликованное в [32, с. 176–177].

шение от Кольцова по этому вопросу датировано 14.07.1743 г.), после чего отказались от этой затеи.

Здесь нужно сделать небольшое отступление и отметить несколько малоизвестных фактов о роли Морозова в разведке полезных ископаемых за пределами Царицынского уезда. В 1741 г. помимо железной руды, серы и др. при реке Кундрючьей в пятнадцати верстах от казачьей станицы Быстрянской он обнаружил месторождение каменного угля. Впоследствии в этом районе с XIX в. добывались знаменитые грушевские антрациты (ныне г. Шахты Ростовской области). В 1743 г., продолжая изыскания в Бахмутском уезде (где спрос на металл и изделия из него диктовались растущим спросом со стороны Бахмутских соляных заводов), обнаружил множество следов старинной выплавки железа: «многое число горнов или сыродутных печей, которые сделаны и состоят уже все зарослые в землю», кем и когда выплавлялось это железо, уже никто не помнил. Именно Морозов высказал идею о строительстве завода на реке Лугани, где через пятьдесят лет будет построен Луганский металлургический завод. Изыскания в Бахмутском уезде продолжились и в последующие годы (уже без Морозова, который 1.08.1743 г. отбыл в Белгород, а затем в Царицынский уезд), но с акцентом на месторождения каменного угля. Сам Морозов пришёл к выводу о нецелесообразности строительства металлургического завода на Бахмутских рудниках из-за недостатка лесов, отдалённости от населённых пунктов, а также из-за опасности набегов крымских татар и прочих разбойников¹ [9, л. 268].

Впрочем, вполне вероятно, что это была не основная причина. Дело в том, что в Царицынском уезде уже имелась благоприятная среда в части взаимоотношений с местной администрацией – компаньонами были комендант и секретарь местной Царицынской комендантской канцелярии. Кроме того, как покажет дальнейшая история, Морозов имел прибыль не только и не столько от завода, сколько с окружающих его земель и лесов. Хотя вряд ли он рассчитывал на это с самого начала, скорее всего, этот неплохой источник дохода он распознал позднее.

¹ Подробнее см. [32, с. 155–164].

Завод на Терсе – первые годы

Отказавшись от идеи строительства железного завода в Бахмутском уезде, Морозов самостоятельно, без согласия компанийщиков¹ и Берг-коллегии, принимает решение построить завод «при реке Медведице на устье реки Терсы». В августе 1743 г. были начаты земляные работы и приготовление леса. Сразу же выявились проблемы с наймом работников². В доношениях от 10.10.1743 г. и 02.11.1743 г. его компаньон Кольцов сетует, что «работных людей ни за какую заплату сыскать невозможно, за отдалением от казачьих и великороссийских мест». По его словам, ближайшими к заводу селениями были несколько посёлков ясачных крестьян, положенных в подушный оклад, по 20-30 дворов³, расположенные на впадающих в Медведицу речках, а именно Терса, Князевка, Невежина, Елань, отстоявшие друг от друга на пятьдесят и более вёрст. Однако от туда никто на завод наниматься не захотел. Зато нашлись вольные русские люди, высказавшие желание работать при заводе, правда без паспортов. О своём происхождении они сообщили, что ранее жили в упомянутых выше посёлках, а также в донских казачьих станицах, откуда в 1741 г. были высланы как неположенные в подушный оклад и теперь «скитаются по степям и по бугракам и лесам». Таковых насчитывалось 25 семей – высланных из посёлков и 19 человек – с Дона.

¹ В доверенности, выданной Морозову 06.12.1741 г., они прямо оговаривали, что финансировать («содержать») железный завод не намерены (даже если выход из железной руды окажется высоким), и не давали ему полномочий по действиям для открытия такого железоделательного завода.

² Наём рабочей силы (особенно мастеров) был для Морозова, а затем его жены одним из самых острых вопросов на протяжении всего периода деятельности завода.

³ На самом деле жителей в них было несколько больше. Так, по 2-й ревизии в 1748 г. в Подлесном стане Керенского уезда записаны новопоселённыеясачные сц. Терса (90 душ), д. Елань (77 душ), д. Невежина (50 душ) и д. Колено (32 душ) [19, л. 371 об.–382 об.]. Крестьяне этих посёлков выселились из сёл Кевда (Архангельское) и Ворона (Козмодемьянское) того же уезда и стана, хотя эти места по рекам Медведице, Терсе и Елани были даны им только во временную аренду (оброк).

Поскольку в будущем, 1744 г. планировалась очередная ревизия¹, а по указу 1743 г.² подлежало до 1.01.1744 г. не положенных в подушный оклад и беспаспортных выслать на прежнее место жительства, он просил за отсутствием других работников разрешить нанять этих донских казаков на работу на первое время (до 1 января следующего года), чтобы они «яко бродящие и живущие в степях как звери без вести не пропали». Кроме того, он предложил и просил дать соответствующее указание переписчикам – входе предстоящей ревизии положить этих людей в подушный оклад и приписать к заводу, обязуясь оплачивать подать. Кольцов аргументировал это тем, что в противном случае они так и будут бродить по лесам и степям, а значит государство недополучит налоги. К следующему доношению в коллегию был приложен их поимённый список, в нём 91 человек, из которых 84 донских казаков из разных станиц, 4 поляка и 3 малороссиянина (см. Приложение, № 1). Как видно из документа, большинство из этих казаков не указывают, откуда они происходят первоначально («за малолетством прежних жилищ не помнят»)³. Однако, как будет показано ниже, их отцы могли происходить из самых разных уездов, а на Дон сойти в первые десятилетия XVIII в.

Берг-коллегия определением от 18.11.1743 г., ссылаясь на Соборное уложение 1649 г., на указы Петра I о беглых крестьянах 1721, 1722 и 1723 гг., а особенно на вышеупомянутый указ от 5.02.1743 г., приказала выслать означенных и впредь никаких беглых и не имеющих паспортов ни под каких предлогом не принимать, а у Берг-коллегии более подобных указов не запрашивать. Соответствующий указ в адрес П. Ф. Кольцова был выпущен 09.12.1743 г., однако, немного не дождавшись его получения,

¹ Указ Сената 28 октября 1743 г. «О явке всем людям, подлежащим ревизской переписи, к назначенным для произведения оной генералам» [34, Т. XI, № 8811].

² Именной указ 5 февраля 1743 г. «О доставлении беглых в их прежние жилища, на подводах их пристанодержателей» [34, Т. XI, № 8699].

³ Лишь у нескольких указано откуда они пришли на Дон: казак из Харьковского уезда, татарин из Касимова, дворцовый крестьянин из Скопинского уезда. Малороссияне родом из Белгородского, Ахтырского и Севского уездов, а один из поляков родился в Керенском уезде.

Кольцов 27.11.1743 г. отправил в Берг-коллегию ещё одно доношение, в котором сообщал, что большая часть готовых к работе людей сами собой разошлись «неведомо куды», и повторно просил оставить при заводе оставшихся, особенно мастеровых. На что Берг-коллегия 16.01.1744 г. выпустила вторичный указ с тем же предписанием [6, л. 60–78]. Анализ последующих списков заводчан показал, что несмотря на схожесть некоторых фамилий, почти никто из этих донских казаков впоследствии не остался работать на заводе, за исключением Девяткина и Пятибратова.

Между тем в ноябре 1743 г. железный завод, построенный при реке Медведице на устье реки Терсы, был пущен – сооружены 3 сыродутных печи, 2 плавильных и 3 кузнечных горна с припасами и инструментами. Об этом Морозов сообщил в коллегию 26.04.1744 г., упомянув также о намерении соорудить плотину и водяной молот для производства полосового железа и заводских припасов. Кроме того, в связи с недостатком воды в Терсе и для лучшего доступа к рудникам (располагались вверх и вниз по Медведице) он заявил, что планирует соорудить «настоящий завод» на самой реке Медведице¹, но из-за недостатка наёмных работников сделать это в ближайшее время не представляется возможным [9, л. 222 об.].

В первые годы завод почти не работал. В конце 1743 г. производилась лишь выплавка кричного железа малыми порциями для оценки выхода из руды и то только из двух печей из трёх имевшихся. Всего же до начала 1746 г. было выплавлено менее 100 тонн. Причина – крайний недостаток работников и мастеров – как показано выше, к началу 1744 г. большинство желающих разошлись сами либо подлежали высылке. Кроме того, Берг-офицер, которому надлежало прибыть на завод в 1744 г. для наставления по плотинному и заводскому устройению, так и не приехал. Наконец, компаньоны не спешили помогать Морозову в управлении заводом, занимаясь своими первостепенными обязанностями по месту службы. Поэтому в мае 1744 г. завод остановился, о чём Морозов сообщил 15.10.1745 г., подавая сведения для ведомости всех заводов, которую составляла Берг-коллегия [8, л. 128].

¹ Этим планам не суждено было сбыться, хотя в переписке от компаньонов какое-то время ещё проскальзывает формула «на этом и других заводах».

В этих условиях Морозов вынужден был продолжить строительство имеющимися силами¹ и весной-летом 1745 г. («по слитии полой воды»²) начал сооружение плотины, водяной домны, а также домов для работников [6, л. 79–80, 219–219 об.]. 17.01.1746 г. Морозов сообщал в Берг-коллегию, что «крестьян в даче ко оному заводу и собственных в покупке еще не имеется». Заводчик имел в виду переданных ему надлежащим образом, так как документы свидетельствуют о том, что к тому времени на заводе уже трудились несколько десятков человек. Более того, ещё в 1744 г. работники при заводе были переписаны обер-офицером, находившемся в Дмитриевске (будущем Камышине) для проведения 2-й ревизии, а 11.05.1745 г. к заводу приписано 59 душ (из них в работу годных только 28 человек) [8, л. 129 об.]. Впрочем, подробных сведений о том, кто именно работал на заводе в 1744–45 гг. мы не имеем, так как первый сохранившийся список датирован 1747 годом.

Так, в начале 1747 г. из Саратовской канцелярии генеральной ревизии на завод был направлен вахмистр Вятского драгунского полка Андрей Дерябин, в задачи которого входило переписать работников завода, включая явившихся с 1744 г., которых он «под страхом смертной казни» и допросил. В итоге по указу 20.02.1747 г. из Канцелярии генеральной ревизии Астраханской губернии к заводу были приписаны и положены в подушный оклад «разночинные люди по собственным желанием» 87 душ³.

Завод находился ближе к Дмитриевску (в 120 верстах, тогда как до Царицына было 200 вёрст), но по просьбе Морозова (возможно, с подачи Григорьева) приписных внесли в переписные книги по Царицыну (с указанием с 1747 г. прекратить оплачивать подушную подать в Дмитриевск). Морозовым были названы сле-

¹ В это время на заводе проживало около 10 работников (по некоторым данным – до 30 годных в работу) и несколько десятков малороссиян.

² По данным компаньонов (возможно, преувеличенным) половодье на Медведице может продолжаться с начала-середины марта по середину июня [6, л. 105-105 об.].

³ Эта ведомость о приписных крестьянах была отправлена в Берг-коллегию только в июле 1751 г. К тому моменту из их числа уже выбыли 17 человек (большая часть умерли).

дующие причины перевода в Царицын: в зимнее время к Дмитриевску не было прямой дороги, а приходилось делать круг через Царицын; указы Берг-коллегии на завод отправлялись через Царицын; наконец, сам Морозов имел жительство в Царицыне, где ему было удобнее оплачивать подушную подать в местную канцелярию [6, л. 118–128]. Следует отметить, что Пётр Кольцов к тому времени (с 1744 г.) уже оставил свой комендантский пост в Царицыне¹, поэтому трудно заподозрить влияние личных факторов.

В ведомости новооткрытых и старинных работных людей		
имя	статья	содержание
Савва Егорьевич	25	работный человек
Давид Фролов	22	работный человек
Сид. Иванов	2	работный человек
Мухомов	35	работный человек

Рис. 1. Фрагмент ведомости работников Терсинского завода за 1747 г.

¹ С марта по июль 1744 г. он находился с некой секретной миссией в Кабарде, а затем в Москве и Санкт-Петербурге до 1748 г. Тогда же просил об отставке, после получения которой к делам завода вернулся только в 1750 г. Григорьев сопровождал Кольцова в Кабарде, затем в 1745 г. работал в Астраханской губернской канцелярии, после чего до 1748 г. был занят учётными делами в Царицыне.

Согласно ведомости (отдельно от годных в работу переписаны больные и увечные, а также несколько человек, не помнящих родства – см. Рис. 1 и Приложение, № 2) первые рабочие Терсинского завода происходили из самых разных мест. Большинство – из Тамбовского¹ (14 семей) и Пензенского (5 семей) уездов. В качестве мест выхода также указаны Керенский (3), Кадомский (2), Касимовский (2), Арзамасский (2), Нижегородский (2), Инсарский (1), Шацкий (1), Симбирский (1) уезды, г. Саратов (1), Починковская вол. Шацкой провинции (2). Кроме того, были и крестьяне из центральных и более отдалённых мест: Переяславль-Рязанский (2), Владимирский (1), Московский (1), Муромский (1), Суздальский (1) уезды, Танинская вол. Московской губ. (1), г. Чугуев (1) и даже из Польши (3). Девять семей указывают на происхождение из донских казаков (это в основном молодые рабочие, родители которых, возможно, также перешли туда из других уездов).

По социальному составу подавляющее большинство (24 семьи) происходят из дворцовых крестьян. Остальные – из ясачных (4), посадских (1), монастырских (1). Отмечены 9 семей из новокрещенов (преимущественно из мордвы, один из татар). Справка из Камер-коллегии 1760 г. даёт несколько иной расклад (по числу душ): поповских детей – 8, поляков – 4, дворцовых крестьян – 49, из мордвы – 9, из казаков – 5, из будников – 3, выходец из плена – 1, незаконнорождённых – 2, из ясачных крестьян – 5, из посадских – 3. Итого – 87 душ² [12, л. 192 об.], [16, л. 7 об.].

Если верить информации из сказок, заводские работники отбыли с прежних мест жительства (или сведены оттуда родителями и родственникам) довольно давно, преимущественно с сере-

¹ Например, отсюда из дворцового села Алкужинских Борков происходят оба Рзыниных – Никита и Гаврила. Первому 31 год, второму 40. Сошли из Тамбовского уезда с родителями в возрасте 7 и 11 лет соответственно, то есть примерно 24–29 лет назад, а значит в конце 10-х – начале 20-х гг. XVIII в. Гаврила уточняет, что жил в Усть-Хопёрской станице около двух лет, пока его отец не умер, а потом по разным местам. Действительно, в селе Алкужинские Борки в переписях 1719–22 гг. находим множество дворов Рзыниных ([20, л. 47–49], [21, л. 281–283]).

² Как можно заметить, результаты суммирования по категориям не совпадают с общим итогом.

дины 1710-х по середину 1720-х гг. При этом подавляющее число заводчан отмечают, что после этого они проживали в разных донских казачьих станицах, а некоторые упоминают конкретные их названия: Филоновская (6 семей), Пятиизбянская (3), Михайловская (2), Чирская (2), Алексеевская, Арчединская, Березовская, Векшенская (Вёшенская?), Дехтеевская, Дурновская, Етеревская, Старогригорьевская, Урюпинская, Усть-Хоперская, Чирская, г. Яик – по одной семье. Основное число крестьян прибыли на завод уже в 1744–45 гг.¹

Ценные сведения предоставляет данный документ и о состоянии здоровья работников завода. 22 человека не могли выполнять работу по состоянию здоровья (болезни, увечья, старость). Из болезней упоминаются такие как: «ломотная» (ревматизм, подагра), «чехотная» (туберкулез), «цынготная» и др., а среди увечий: «левою рукой от перерезу жил не владеет», «рукой не владеет от перебою стрелой калмыками», «от убою конского спиною болен и дряхл» и т.д., что кроме прочего даёт дополнительные ценные сведения о биографии отдельных работников и о трудностях, с которыми они сталкивались в жизни. Часть из неработоспособных крестьян, упомянутых в 1747 г., находим и в более поздних документах (например, за 1758 г. – см. Приложение, №6) в списке определённых в Царицынскую богадельню [10, л. 49–50].

Неспокойное соседство – притеснения местных

Хотя компаньоны постоянно называют окружающие места дикими и глухими, но всё-таки в относительной близости (50 и более вёрст), как уже упоминалось выше, находились самовольно поселённые деревни ясачных и дворцовых крестьян из Пензенской и Шацкой провинций и Керенского уезда, жившие вдоль рек Медведицы и Терсы пятью малыми посёлками, а также

¹ В мае 1745 г. к заводу приписаны 59 душ мужского пола, из них годных в работу 28 человек. Хотя с этими данными несколько не стыкуются сведения из описи работников завода за 7.01.1756 г. (см. ниже) согласно которой только 7 из них живут при заводе 11 лет, то есть появились здесь до начала 1745 г., а 10 человек – до начала 1746 г.

разные «набродные люди»¹. Пользы от них, по словам Морозова, никакой не было, так как на работу на завод они наниматься не желали, зато чинили заводу разные неудобства, в частности, своевольной рубкой леса и сплавом его весной в казачьи станицы (отчего, по его мнению, могла возникнуть нехватка леса), а также разбоем, грабежом и убийствами. Кроме того, здесь, по словам компаньонов, находились скрытные убежища беглых крестьян и других бродячих людей. Кольцов позже упоминал, что при постройке завода эти жилища Морозовым с командой были разрушены и сожжены, а «люди и воры разогнаны», за что многие затаили на них злобу и «Морозова весьма ненавидят» [6, л. 105 об.–107 об.], [8, л. 130], [17, л. 528]. По-видимому, такие бесцеремонные действия заводчика во многом определили будущее отношение к нему соседей.

Так, в январе 1744 г. Морозов, будучи проездом в селе Никольском – Аркадак Шацкого уезда (владения А. Л. Нарышкина), подвергся грабежу. В декабре того же года крестьяне деревни Князевка Пензенского уезда избили и ограбили, отобрав оставшиеся от покупки запасов деньги, приказчика Морозовых В. Михайлова и двух заводских работников, которые остановились у них на ночлег по дороге на завод, причём один из работников от побоев умер. В 1747 г. по пути в Саратов Морозов с вахмистром Дерябиным, солдатом, писарем и заводскими людьми планировали остановиться в деревне Невешкиной Керенского уезда (верстах в 70 от завода), однако, узнав о заговоре местных ясачных крестьян этого села, планирующих напасть, и опасаясь оставаться на ночь, поехали далее. Прибыв в село Карамыш владения Нарышкиных, их обступили крестьяне с дубинами и поленьями, которые пытались избить Морозова с заводскими людьми.

¹ По поводу последних Морозов ещё в 1744 г. упоминал, что среди них якобы имелись крестьяне, которые приезжали совсем издалека (за 500 и более вёрст) из сёл Конобеева и Морошки – вотчин А. Л. Нарышкина, проживали в отдельных избах и землянках в осеннее и зимнее время и пользовались рыбными ловлями с оплатой оброка [9, л. 224], [32, с. 182–183].

Пожалуй, больше всего проблем заводу чинили «золотовцы» – крестьяне дворцового села Золотого¹, находившегося на берегу Волги более чем в 100 верстах, выходцы из которого поселились по реке Медведице в 7 верстах от завода. В 1747 г. «золотовцы» напали на работников завода, направленных на рудники для заготовки бересты и «сидения» дёгтя, избили, отобрав все, что те имели при себе – хлеб, харч, одежду, прочий бутор, а также часть «высиженного» дёгтя, а потом продержали у себя под караулом три недели. Во время сенокоса в 1748 г. они неподалёку от завода напали на заводских крестьян, которых Морозов отправил туда заготавливать сено для заводских лошадей и скота. Один из нападавших, держа в руках ружье, запретил косить, требуя прислать Морозова с указом на право кошения сена. Собираясь с «бродячими» людьми числом до 30 человек, крестьяне села Золотого неоднократно нападали на работников завода, а также на живущих при заводе малороссиян, так напали на них на сенокосе, избили, ограбили и удерживали «яко злодеев под караулом». Однажды зимней ночью приехали в слободу на почти 150 подводках, пытаясь украсть скошенное сено. В 1749 г. напали на работников завода, забрав у них трёх лошадей и пойманных беглых крестьян из Ряжского уезда, причём их управляющий высек заводского малороссиянина плетью [6, л. 107–110].

В 1759 г. права на землю под заводом и на прилегающие к нему угодья (лес, сенокосы и рыбные ловли) заявили ясачные крестьяне села Козмодемьянского (Ворона) Керенского уезда, которым по указу из Камер-коллегии ещё в 1726 г. места по обеим сторонам рек Медведицы, Терсы и Елани были отданы в аренду, правда, только под хутора для скота и на 4 года². Однако без надлежащего указа Камер-коллегии они поселились здесь на постоянной основе, в том числе вдоль Терсы: Терса (Никольское), Козмодемьянский³ и Матышев, которые в части оплаты подушного оклада числились в Керенске. Спор с ними решился определением Камер-коллегии 13.02.1760 г. отдачей четверти

¹ Ныне с. Золотое в Красноармейском районе Саратовской области.

² Подробнее об условиях этой аренды см. [32, с. 181–182].

³ Второе название уже упоминавшегося выше посёлка Елань, но в документе упомянут как поселившийся после 2-й ревизии.

угодий в пользование Морозову до будущего межевания с платежом 20 руб. в год¹ [9, л. 223–224], [16, л. 8–20об.], [28, с. 67–68].

Все вышеприведённые притеснения и споры неоднократно побуждали компаньонов просить официально отвести им порожние земли вокруг завода для поселения собственных и покупных работников.

Над Морозовым сгущаются тучи

Дела самого завода также шли с трудом. Назревал конфликт между компаньонами. Уже в январе 1746 г. Морозов жаловался в Берг-коллегию, что никакой помощи от компаньонов в управлении заводом он не имеет, так как последние заняты только своими служебными делами. Затем, на 4 года (до начала 1750 г.) переписка с Берг-коллегией по какой-то причине затихла, так что мы можем только догадываться, что происходило на заводе в этот период. А. А. Зворыкин считал, что Морозов посвятил эти годы строительству домны [32, с. 167]. Однако, как было показано выше, заводчик начал строить домну ещё весной 1745 г., а в 1746 г., по приезду к Кольцову в Царицын, отмечал, что «плотину и домну и справил». Наличие домны отмечено и в ведомости строениям от января 1746 г., но в действие она была пущена только 24.05.1750 г., а проработала менее двух месяцев, прекратив действие после прогара горна. Летом-осенью на том же месте была построена домна побольше, которая была запущена в декабре [6, л. 86 об., 112 об., 170 об., 219 об.–220].

Причиной возобновления переписки, по-видимому, стало длительное отсутствие платежей с Терсинского завода – с самого начала его деятельности в 1743 г. (по Берг-регламенту пошлины составляли 1/10 от производимого металла). Рассмотрев 07.02.1750 г. экстракт по делу, Берг-коллегия инициирует разбирательство по этому вопросу. 14.02.1750 г. в Царицынскую воеводскую канцелярию направлен указ (получен 12.04.1750 г.) с предписанием отправить на завод нарочного для освидетельство-

¹ Однако более поздние документы показывают, что и в 1770 г. фактической передачи этой земли ещё не произошло, а годовой оклад не оплачивался [18, л. 6 об.].

вания строений, выявления объёмов производства (выплавленных чугуна и железа), описания месторождений, а также определения количества находившихся при заводе людей¹, заводчика же Морозова с соответствующими платёжными ведомостями и десятинными деньгами выслать в Берг-коллегию за поручками, или под караулом. С этого момента начинается долгая переписка с Берг-коллегией со стороны Царицынской канцелярии с одной стороны и компаньонов – с другой, в которой они ссылаются на различные сложности в выполнении поручения, в том числе, что добраться до завода тяжело («завод стоит от Царицына в 250 верстах, в глухих местах, вешней полою водой послать нарочного невозможно, дороги прямой не имеется и тракта туда ни чьего не бывает»). Оправдываются своей занятостью в предыдущие годы, из-за которой не могли отлучиться на завод без указа. Вместе с тем они просят не отсылать Морозова в Москву, чтобы завод не остался без присмотра [6, л. 81–98].

Положение Морозова усугубилось в 1751 г., когда из Главного магистрата сначала в Царицынский магистрат, а затем 18.07.1751 г. в Берг-коллегию поступила промемория о взыскании с Морозова недоимок по купеческому ведомству в Белгороде по приложенной из Белгородского магистрата ведомости [6, л. 113–115].

В то же самое время в производстве находилось следственное дело по доносу малороссиянина Сидора Филиппова сына Вдовина² из городка Баланды Пензенского уезда, ещё 06.03.1749 г. подавшего челобитную в Сенат, в которой помимо обвинения Морозова в побоях и грабеже имущества, объявил о живущих при его заводе людях, не положенных в подушный оклад. Берг-коллегия повелела

¹ Ведомость 1747 г. из Астраханской канцелярии в Берг-коллегию ещё не поступала, иначе вопрос бы так не стоял.

² Упомянутый Сидор Вдовин не оставил попыток навредить Морозову и в последующие годы. Так, 24.09.1753 г., находясь с женой под караулом в Берг-коллегии (задержан за хранение «заговорных или еретических» книг), Вдовин сообщил, что знает «слово и дело» на заводчика Морозова, который содержался под караулом там же. По данному сообщению решено было отправить обоих в Тайную канцелярию, которая 06.10.1753 г. уведомила Берг-коллегию о наказании Вдовина битьём плетью за ложный донос [6, л. 271а], [14, л. 262–266].

направить на завод нарочного для сыска таких крестьян, и в 1751 г. туда выехал поручик Царицынского полка Астраханского гарнизона Тимофей Козлов¹, выявивший при заводе 7 не учтённых человек, к тому же без паспортов, которых с пристрастием и под плетью допросил. Они оказались «не помнющими родства», с малолетства жившими на мирское подаяние из-за различных болезней: Бакланов, Галкин, Землянский, Кузнецов, Масленков, Плотников, Сериков. Было решено определить их в богадельню, но до указа и из-за нехватки мест в Царицыне причислить на завод по соответствующим билетам, т. е. разрешительным документам (см. Приложение, № 3)² [6, л. 116об., 178об.–182], [17, л. 542–544].

В отсутствие исполнения указаний 1750 г. и проволоочки с присылкой Морозова в Москву в 1753 г. терпение Берг-коллегии иссякло. В своих указах она подчёркивает, что с начала действия завода прошло уже 10 лет, однако в действие он так и не приведён и дохода в казну не приносит, следовательно, Морозов довольствуется приписными к заводу людьми напрасно. С этого момента коллегия переходит к репрессивным мерам.

12.02.1753 г. Берг-коллегия постановила отправить на завод вахмистра Ивана Иевлева, которому велено сначала прибыть в Царицын для придачи ему достаточного числа солдат, а по приезду на завод разломать домну и ручные печки. Кроме того, с Морозова взять сведения о выплавке чугуна из домны и кричного железа из ручных печек, отобрать указ 1742 г. о заведении завода и под караулом привезти его с платёжными ведомостями и деньгами для оплаты пошлин в Москву, а при его отсутствии на заводе – взять под караул жену и детей. Соответствующий указ был направлен и в Военную коллегию [6, л. 191]. Опуская долгие детали разбирательства³, отметим, что в своём допросе в Берг-

¹ Из других документов видно, что это был давний враг Морозова, в 1744 г. депутат Золотовской дворцовой волости.

² Как видно из последующих документов, в 1758 г. они по-прежнему проживают при заводе («имеют у себя билеты») [10, л. 50 об.–52], а некоторые из семей записаны среди ясачных крестьян Рудни и в 4-й ревизии.

³ Из-за долгого прохождения писем Царицынская канцелярия, приступившая к выполнению поручения о взятии Морозова под караул по очередному указу Берг-коллегии, полученному 06.09.1753 г. (т.е. через несколь-

коллегии 02.09.1753 г. Морозов подробно описал деятельность завода с момента его возникновения, а также детально (по датам) сообщил периоды действия домны в 1750–53 гг. и соответствующие объёмы выплавки чугуна (всего 6179 пудов). На основании показаний о произведённых объёмах (к которым добавлены ещё 100 пудов, выплавленные в 1744 г.) был рассчитан объём пошлин (почти 220 руб.), которые 14.10.1753 г. Морозов в полном объёме внёс в Берг-коллегию, после чего последняя приказала Царицынской канцелярии освободить жену Морозова. Как выяснилось, Морозову в Царицын не повезли, а содержали под караулом на самом заводе, так как она была беременна и вскоре могла родить [6, л. 219–240об.], [32, с. 168–169].

Оправившись от этих неприятностей, Морозов перешёл в наступление на компаньонов. 24.02.1754 г., ещё будучи в Москве, доношением в Берг-коллегию он обвинил их в отсутствии помощи заводу, кроме как деньгами (300 с небольшим руб. от Кольцова, и всего 20 руб. от Григорьева¹), а также 4 крестьянами от Кольцова (с 1748 г.) и одним от Григорьева (до 1750 г.), тогда как Кольцов обещал прислать ему до 100 человек и выдать 500 руб. на расходы. Закljučая, что поднял завод в одиночку, Морозов просил оставить завод ему одному, обязуясь содержать его надлежащим образом. В процессе переписки выяснилось, что Григорьев без доклада в Берг-коллегию уступил свою долю Кольцову ещё в сентябре 1750 г. (вероятно, узнав, что Морозов наконец запустил весной того года домну, которая, проработав менее двух месяцев, вышла из строя, но шло строительство новой), за что ожидал получить

ко дней после уже состоявшегося в Москве допроса Морозова!), следующим доношением от 30.10.1753 г. (получено коллегией 05.11.1753 г.) сообщила, что не сыскала Морозова на заводе, а куда он поехал достоверно не известно. Жена его в это время, опасаясь конфискации имущества, отогнала заводской скот под видом продажи разным лицами пыталась сделать то же с пчелиными ульями. В то же время завод был описан и опубликованы первые объявления о его продаже.

¹ Впрочем, Григорьев в своём письме Кольцову от 12.09.1750 г. с предложением уступки своей доли сообщает, что якобы израсходовал на заводские нужды 700 руб. Кольцов же после смерти Морозова также называет большую сумму расходов, а в 1763 г. и вовсе заявляет, что «издержано собственного моего капитала до 3240 руб.» [6, л. 305], [12, л. 216 об.].

800 руб. и 200 пудов железа¹. Ещё один новый аспект, всплывающий в этой истории: Морозов не поладил с новым комендантом Царицына – Протопоповым, поэтому просил снова перевести его в части оплаты подушного сбора в город Дмитриевск, поближе к заводу [6, л. 253–258 об., 304], [7, л. 177 об.].

Теперь уже Берг-коллегия всерьёз взялась за завод. Морозова они отпустили только весной (в марте вопрос о снятии с его имущества ареста всё ещё решался) в сопровождении двух солдат и гитен-форвалтера² Ивана Княгинкина, который, согласно решению от 26.05.1754 г., был отправлен на завод для освидетельствования его технического состояния, сбора сведений о выплавке чугуна и переписи мастеровых и работных людей. Главный вопрос, который ему предстояло выяснить – может ли завод работать бесперебойно. Княгинкин пробыл на заводе не менее двух месяцев. В июле-августе осмотрел и описал завод и рудники, собрал сказки о работе завода, а также составил роспись мастеровым и работным людям (см. Приложение, №4), 19–22 августа были произведены пробные плавки³.

Согласно росписи Княгинкина, на заводе в июле 1754 г. работало 10 доменщиков (включая учеников), 2 молотовых работника, 3 плотника и 28 разнорабочих (в том числе «у зжения и возки»), 12 человек были не годны к работам за старостью и дряхлостью, а также у всех вышеперечисленных числились 11 малолетних детей, положенных в подушный оклад, итого 66 человек. Всех их (кроме нескольких мастеровых) мы находим и в ведомости 1747 г. Всего вместе с живущими при заводе 110 малороссиянами – работников насчитывалось 176 человек [6, л. 311–355б об.], [11, л. 150], [17, л. 565 об.]. Из поданных сказок, узнаём, что как минимум двое разнорабочих – Фёдор Кириллов и Фёдор Александров – были грамотными («приложили ру-

¹ Из дальнейшей переписки видно, что обещанные деньги Кольцов Григорьеву не уплатил.

² Горный чин X класса, лицо, занимавшее различные руководящие должности на рудниках и горных заводах.

³ По оценке А. А. Зворыкина, в сравнении с Невьяновскими заводами выход чугуна на Терсинском заводе получался примерно в 3 раза ниже [32, с. 170].

ки»). Из выявленных в 1751 г. Козловым 7 неучтённых человек в росписи никто не значится, так как не считались годными в работу.

По результатам визита Княгинкина был произведён новый расчёта пошлин за 1750–53 гг. Для этого Берг-коллегия использовала аналогичные раскладки по заводам Демидовых, а также суточные нормы выплавки за четыре дня согласно докладу Княгинкина (принято, что фактическая выплавка была меньше из-за отсутствия искусных мастеров). По уточнённым данным к уже уплаченным 219 руб. 80 ½ коп. подлежало доплатить ещё 441 руб. 86 коп. Что касается передачи завода в ведение Дмитриевской канцелярии – эта просьба была удовлетворена¹. После отъезда Княгинкина домна остановилась, так как до принятия решения по делу завод велено «не размножать».

Между тем между Кольцовым и Григорьевым зреет заговор. Григорьев, не получив деньги от Кольцова, снова решает состоять в компании. К тому же, видя, что завод, наконец, заработал, компанейщики не хотят терять свою долю в его прибыли. В 1755 г. они затевают между собой переписку, в которой обсуждают планы по отстранению Морозова от управления, шлюют доношения в Берг-коллегию, в которых заявляют, что желают остаться компанейщиками и содержать завод. В июле 1755 г. Григорьев по совету Кольцова отправляется на завод, однако Морозов его выгоняет («сказал, чтоб я уезжал поскорее, как де кликну из поселка людей – то де и костей я не найду»). Кольцов, оклеветав Морозова перед Берг-коллегией, присваивает себе его заслугу в пуске домны в 1750 г. Григорьев в свою очередь рисует картину того, как Морозов богатеет от продажи «нашего скота», сена, от выращивания хлеба, использования мельницы, рыбной ловли, охоты и прочего², к тому же не даёт им никакого отчёта о приходах и расходах (компанейщики считали, что от побочной деятельности Морозов получал до 1000 руб. в год), а привезённые ему приходно-расходные книги

¹ Что подтверждается сказкой 4-й ревизии, в которой отмечено, что по 3-й ревизии (которая пока не выявлена) заводские крестьяне «имелись в Камышинском уезде, где и платежом подушных денег состояли» [22, л. 994].

² По характеристике А. А. Зворыкина, Морозов умело «применял подсобные промыслы: продажу сена, рыбы, скота, хлеба» с целью финансирования основного производства [32, с. 172].

Морозов попросту выбросил в реку Терсу. Бывшие партнёры по бизнесу не скупятся на уничижительные выражения: «за кожей панцыря у него нет, невелик человек, беглец белгородской и пашпорта нет». В качестве варианта избавления от Морозова они рассматривают отправку его в Белгород под караулом. Тут всплывают старые дела, согласно которым Белгородская ратуша еще 1744 г. требовала высылки Морозова в Белгород для оплаты недоимки по подушным сборам в размере 444 руб. за себя и сына. По видимому, ранее, в бытность Кольцова комендантом, это дело спустили на тормоза, а теперь решили использовать его против Морозова. В своих сплетнях они доходят до рассуждения о том, что Морозов нарочно делает плохое железо («якобы руда негодная», «сказывают, что годную он нашел, да опять зарыл»), а как останется один – начнёт делать из хорошей руды [6, л. 368а–385а].

16.11.1755 г. Берг-коллегия заслушала дело и постановила направить из коллегии на завод солдата Василия Селиванова для привоза Морозова в Москву и взыскания с него доимочных денег, а работникам объявить указ о прекращении подчиняться заводчику. Завод же полагалось опечатать, проверив при этом, не работала ли домна после отбытия Княгинкина. В очередной раз следовало переписать всех мастеров и работников, и до решения по делу производство не запускать. В части производственных вопросов Селиванов сначала взял сказки с работников завода во главе со старостой Иваном Ильиными сыном Андреевым, затем с самого Морозова, а 07.01.1756 г. переписал всех работников поимённо с указанием их возраста, специализации и срока работы на заводе в годах (см. Приложение, № 5) [6, л. 360–369, 387–396].

Опись Селиванова представляется ценным источником для оценки профессионального состава работников завода. Среди мастеровых мы видим потомственного заводчанина Ивана Кузнецова, работавшего в качестве доменного и молотового мастера пятый год, а в качестве подмастерья – крестьянина П. Кольцова, Петра Антонова сына, который за семь лет работы на заводе обучился доменному и молотовому мастерству. Среди работников 6 плотников, из которых один (Мельников) ещё и мельник, 3 человека были заняты при «доменной и молотовой работе», 1 – при кирпичном деле, 1 – при угольной работе, 1 – специалист по починке плотины (но «токмо дряхл и болен»), остальные – разнора-

бочие, а также несколько больных и престарелых. Кроме специализации, у работников также указан срок работы на заводе. Так, 7 из них жили при заводе 11 лет (то есть появились здесь примерно в 1744 г. и до начала 1745 г.), 10 человек – 10 лет (до начала 1746 г.), а остальные 22 работника (срок нахождения на заводе указан не у всех) – по 9 лет (причём имена последних есть и в ведомости от февраля 1747 г.). Наконец, в ведомости указан возраст заводчан. Мастеровым 30 и 32 года. Из прочих работников возраст указан у 50 человек, среди которых 6 в возрасте от 14 до 16 лет, ещё 7 чел. – 17-20 лет, 10 чел. – 21-30 лет, 15 чел. – 31-40 лет, 10 чел. – 41-50 лет и 2 чел. – старше 50 лет. В целом распределение работников по возрастам довольно равномерное.

Отдельно перечислены 9 (хотя сказано, что их 10) человек «из казачьих слобод не помнящие родства», живущие по билетам из Царицынской канцелярии, из них 7 были переписаны Козловым в 1751 г. (см. выше), добавились Куров и Александров (отчество). Наконец, в списке числятся 8 человек временных работников из ясачных крестьян посёлков Терса (Никольское), Елань и Невешкино, состоящих в подушном окладе по месту жительства – они являлись знакомыми или свойственниками приписным заводским крестьянам¹.

Не известно, сколько бы тянулась эта эпопея, но менее чем через три месяца после приезда солдата Селиванова, а именно 25.03.1756 г. Иван Морозов умер, оставив жену Анну Петровну с малолетними детьми Анфимом, Николаем и Еленой.

После смерти Морозова

Вскоре после смерти Морозова на завод стал претендовать генерал-майор лейб-компания подпоручик гр. И. С. Гендриков, 17.06.1756 г. он подал в Берг-коллегию челобитную, в которой просил отдать ему завод в вечное содержание. В то же время вдова умершего заводчика Анна Петровна с сыном Анфимом продолжали борьбу за завод с компаньонами. 21.06.1756 г. Морозова

¹ Напомним, что ещё в 1743 г. не менее 25 человек, высланных из упомянутых выше посёлков (не положенные в подушный оклад), изъявляли желание наняться на работу на заводе. В ведомости 1747 г. один крестьянин указывал своим прежним местом жительства село Терса.

подала челобитную в Берг-коллегию с просьбой отстранить компаньонов от управления заводом, используя всё те же аргументы, что и её покойный муж. В итоге коллегия указом от 7.08.1756 г. постановила оставить завод за законными наследниками (жена Анна и дети Анфим, Николай, Елена)¹, при этом, взыскав с них недоимку, компаньонов же от управления заводом отрешить, а Гендрикову во владении отказать. Морозова в тот же день подписала официальное обязательство, что в течение двух лет будет содержать завод «в безостановочном и добропорядочном действии», а недоимку оплатила в октябре. В следующем 1757 г. Кольцов предпринял попытку восстановить себя в числе компаньонов [17, л. 510–517 об., 597–623, 637–638, 645].

В 1758 г. возникают новые обстоятельства – против Морозовой открывают следственное дело по обвинению в корчемстве после доноса приписного заводского работника Никиты Рзянина, сообщившего в апреле того же года о том, что Морозова продаёт вино. Об этом Рзянин узнал от другого приписного крестьянина Якова Мельникова, купившего вино у служителя заводчицы парой месяцев ранее. Начался длительный процесс. В Дмитриевске помимо упомянутых крестьян были допрошены ряд свидетелей и подозреваемых, в том числе приписные крестьяне Пустовалов, Попов и малороссияне Бутков, Рыбалка, Бирюк и др. Для ведения следствия привлекался депутат Дмитриевского соляного правления Г. Соснин. Возник реальный риск конфискации завода в пользу государства («подлежит отписанию на Ее Императорское Величество»), что было предусмотрено для виновных в данном виде преступления². 24.09.1758 г. из Дмитриевска на завод отправлен подпоручик Иван Непряхин с командой для описания движимого и недвижимого имущества не только у Морозовой, но и у признанных виновными малороссиян. Он пробыл на заводе до 25.10.1758 г. и подготовил подробную опись ревизских душ, включая рождённых после 1747 г. и женщин, на основе которой в Дмитриевской канцелярии была составлена детальная ведомость

¹ Как показано выше, права законных наследников защищал Берг-регламент.

² В это время снова проявляет себя Кольцов, прося завод не конфисковывать, а отдать ему.

(см. Приложение, № 6). В основной её части числятся 185 человек (в том числе 56 мужчин и 49 женщин, а также рождённых после ревизии – 35 и 45 человек соответственно), кроме того, определённых в Царицынскую богадельню – 39 человек (19 мужчин и 20 женщин), имевших билеты Царицынской комендантской канцелярии – 44 человека (23 мужчины и 21 женщина), итого 268 человек приписных заводских крестьян. Отдельно записаны дворовые люди заводчицы Морозовой в количестве 16 чел. Особый интерес представляют описи имущества: завода, вдовы Морозовой (о ней ниже) и пяти малороссиян.

Но это оказалась не единственная беда, в это время заводчица теряет и главного мастера. В округе тогда находился секунд-майор Павловского пехотного полка Иван Крецмор (Крецмон), отправленный сюда по указу Воронежской губернской канцелярии для сыска беглых, воров и разбойников по реке Зайке. Летом-осенью 1758 г. он прибыл на завод со всей своей командой и, по словам Морозовой, без всякой причины, забрал молотового мастера Ивана Кузнецова¹, отослав его в Воронеж вместе с подмастерьем Степаном Никифоровым, где последний был отдан в солдаты в Павловской пехотный полк.

Опуская все детали разбирательства, отметим, что после ареста заводчицы и отсылки молотового мастера ведомства озаботились и будущей судьбой завода, однако из-за бюрократических проволочек и характера межведомственного взаимодействия ничего конкретного так и не было сделано. Завязалась вялая переписка между инстанциями. Ещё в начале следственных действий, в конце июня, Камер-коллегия обращалась в Берг-коллегию с тем, чтобы после взятия Морозовой под караул завод «поручить в смотрение доброму и надёжному человеку», не допустив его остановки. Дмитриевская канцелярия в сентябре-октябре дважды просила Берг-коллегию прислать знающего горное дело человека, а до дальнейших указаний отправила для надзора за заводом отставного солдата Семёна Горбунова. В ноябре уже Корчемная канцелярия (которая и вела следствие) требовала от Берг-коллегии «дать обстоятельное наставление» Дмитриевской канцелярии по содержанию

¹ Этот мастер, как упоминалось выше, был определён к заводу из Дмитриевской канцелярии.

подлежащего к продаже завода. В январе 1759 г. подобное наставление просила им выдать Камер-коллегия, «не имея в содержании того завода достаточного знания». В том же месяце Морозова с детьми, в сопровождении нескольких дворовых и других крестьян, отпросившись якобы в Дмитриевск для крайней нужды, куда-то сбежала (предполагали, что к матери в Москву). В феврале Дмитриевская канцелярия в очередной раз просила у Берг-коллегии прислать на завод управляющего и мастеров. Наконец, кульминацией этой плачевной истории, пожалуй, можно считать апрельскую промеморию Камер-коллегии. Последняя выяснила, что Морозовой принадлежали только 1/7 часть недвижимого имущества и 1/4 движимого имущества, а остальные доли были записаны за детьми (которые в корчемстве не обвинялись), на основании чего просила снова описать уже только долю заводчицы, остальное имущество освободить для продолжения производства, а караул снять. Но вся эта неразбериха почти уже похоронила завод [10, л. 5–83], [12, л. 158], [16, л. 5], [17, л. 760–777].

Вот с чем столкнулась заводчица 9.05.1759 г., возвратившись на завод из Москвы, по окончании следствия. Пока завод находился под арестом, доменная печь и подготовленный кирпич (до 40 тыс. шт.) в весеннее половодье 1759 г. «водой все размыто без остатку». За несколько дней до прибытия Морозовых приезжавший на завод подпрапорный малороссийского Рыбинского полка пытался выслать работавших при заводе малороссиян на прежние места жительства. В июле все они (120 человек) были переданы в Соляное правление, таким образом, заводчица не могла более использовать их труд на заводе.

В попытке спасти ситуацию Морозовы 28.02.1760 г. подали челобитную, в которой просили Берг-коллегию прислать знающих своё дело доменного, мехового и молотового мастеров (не рассчитывая на добровольный приезд таковых на завод с других заводов из-за дальности), а также приписать к заводу ясачных крестьян ближайших деревень [12, л. 158–158 об., 430 об.], [15, л. 463–470], [16, л. 5].

Берг-коллегия впервые с начала деятельности Терсинского завода провела нормативные расчёты численности его работников. Количественные нормы были изложены в инструкции Анны Иоанновны В. Н. Татищеву от 23.03.1734 г. [34, Т. IX,

№ 6559] и указе от 12.03.1752 г. [34, Т. XIII, № 9954], согласно которым, к заводимым партикулярным железным заводам рекомендовалось приписывать к домне – по 100 дворов (в инструкции Татищеву 100–150), к молоту – по 30 дворов, принимая для расчёта по 4 души мужского пола на двор. Для справки Берг-коллегия также использовала данные о численности работников на других партикулярных заводах (Демидовых, Строганова, Осокина). В результате проведённых расчётов потребность Терсинского завода в работниках была определена как 520 душ, соответственно нехватка по сравнению с минувшей ревизией (87 душ) составила 433 души мужского пола. Однако самостоятельные решения о приписке крестьян Берг-коллегия могла принимать только в отношении Сибирских заводов, поэтому направила обращение в Сенат для окончательного рассмотрения этого вопроса. Впрочем, какого-либо указа оттуда не последовало [16, л. 27–28 об.].

Завод разваливался на глазах, основная проблема была в мастеровых. В 1761 г. доменный подмастерье Панфил Горбунов с женою и детьми был отдан надворному советнику Алексею Шахматову¹. В том же году заводчики потребовали от Берг-коллегии отправить несколько приписных крестьян на замосковные заводы для обучения заводскому мастерству, но никакого указа не последовало. В 1762 г. Морозова докладывает, что меховой мастер «одержим ломотною и цынготной болезнями», доменный мастер также болен. Через некоторое время последний, «видя от всех сторон напрасное изнурение», ушёл с завода, возвратившись на прежнее место жительства² [12, л. 158–158 об.], [16, л. 4–6].

¹ Вероятно, именно его (не называя имени) упоминает Е. Н. Кушневa, сообщая, что А. Л. Шахматов с 1760 г. хлопотал о возвращении своих крестьян, бежавших на Терсинский железный завод и в итоге получил их обратно вместе с крестьянином с. Рудни и дворцовым крестьянином с. Золотого, женившимся на беглых. В 1768 г. руднянский крестьянин снова бежал от него, но помещику снова удалось добиться его возвращения [29, с. 600].

² В 1770 г. Морозова, уже сильно преувеличивая, заявляет, что после всех этих событий «доменный мастер от страху умер» [12, л. 430].

Почему же Морозова с детьми так упорно боролись за завод?.. Пролить свет на этот вопрос могут следующие факты.

Как становится известно из доношения Низовой соляной конторы и Шацкой провинциальной канцелярии, поданного 15.07.1762 г. в Камер-коллегию, после смерти отца сын Анфим с матерью перестали заниматься заводом, переключившись на побочные бизнесы. Они заставили приписных крестьян и малороссиян, живущих при заводе, построить на Терсе две мельницы¹ «без всякого указа, кои нигде в оброк не положены». Кроме того, Морозовы бесплатно использовали труд работников завода для выращивания хлеба, работы на мельничных плотинах и кошения сена, которое в больших количествах продавали соляным возчикам². Таким образом, они имели существенную прибыль, которую не вкладывали в завод, чем довели его до разорения. Так, капрал Макар Безруков, который в начале августа 1760 г. был на заводе по поручению Дмитриевской комендантской канцелярии, в рапорте сообщил, что тарасы у заводской плотины сбиты, сваи снесло водой до самого фундамента, крыша над молотовой обвалилась, а колеса и валы сгнили, каменные стены плавильной домны упали, крыша её обвалилась, завод стоит без действия с 1758 г.³ Правда, тут же Безруков добавляет, что заводчица прилагает усилия к восстановлению завода – заготовлено до 20 тыс. жжёного кирпича для починки домны и значительное число леса [12, л. 142–143 об., 152].

О том, насколько высока была прибыль заводчиков от побочной деятельности, могут дать представление описи имущества Морозовых. Так, по описи 1753 г. в хозяйстве И. Морозова имелось 18 коров, 16 телят до году, 55 гусей, 35 индеек, 3 лебедя,

¹ По-видимому, одна из них находилась при слиянии Щелкана с Терсой (при Бундевке), а вторая ниже по течению – Нижняя Терсинская мельница.

² О том же заявляют и приписные крестьяне в поданном 26.10.1763 г. в Берг-коллегию доношении: без оплаты косили сено и жали хлеб для заводчиков [12, л. 231–232 об.]. Повторяет это и межевщик Тихменев в 1767 г., сообщая (со слов обывателей), что заводчик Морозов получал прибыль не от завода, а от сена, продаваемого малороссиянам, регулярно зимовавших в слободе со своими волами, и в целом более беспокоился о сенокосах, чем о заводе. Также и после его смерти жена с детьми больше печётся о содержании мучных мельниц [18, л. 1 об.].

³ Остановившись в 1758 г., завод более не возобновил работу.

6 свиней, на загородном дворе 16 волов, 1 корова, 90 овец, 14 коз, кроме того, 53 лошади, 10 жеребят, 69 ульев, две мельницы [6, л. 250–251]. Вероятно, эти цифры не включают в себя тот заводской скот, который жена Морозова, опасаясь конфискации, отогнала под видом продажи (63 головы крупного рогатого, 300 овец) и пыталась сделать то же со 100 ульями. В описи имущества вдовы А. Морозовой за 1758 г. кроме многочисленных построек и личных вещей числятся 9 меринов и 14 жеребцов, 24 кобылы, 23 коровы, 20 быков, 10 телиц, 36 телят до года, 15 свиней, 160 овец, 40 молодых овец, 40 гусей, 15 уток, 30 индеек, 40 кур. По Щелкану кошенного сена 104 стога, около нижней мельницы 103 стога. Таким образом, использование труда приписных крестьян и малороссиян позволило Морозовым завести и содержать довольно большое личное хозяйство.

По сути, приписные крестьяне работали на заводе Морозовых на положении крепостных, обеспечивая растущие богатства его владельцев. В отсутствие контактов с другими приписными они долгое время даже не знали, что за свою работу должны были получать определённую плату, которая в то время рассчитывалась по Плакату от 26.06.1724 г.¹, и таким образом компенсировать оплату подушной подати, которую они оплачивали самостоятельно (подробнее см. доношение приписных крестьян от 26.10.1763 г. в Приложении, № 7).

Нарышкины

С ослаблением позиций заводчиков на сцену выходят Нарышкины, которые сначала предложили уничтожить завод, а затем просили отдать его им в собственность. Основными их аргументами были следующие: завод построен на их старинной крепостной земле, а Морозовы только делают вид, что занимаются заводом, пользуясь при этом пашенными землями, сенокосами, лесом и другими угодьями.

Ещё 05.10.1761 г. в Щацкой провинциальной канцелярии рассмотрено судное дело, по которому земли, на которых пятью по-

¹ В летнее время конному работнику полагалось давать по 10 коп. в день, пешему – по 5, а в зимнее – по 6 и 4 коп. соответственно.

сёлками поселились ясачные крестьяне (о них шла речь выше), было велено отдать Нарышкиной. Как мы помним, среди них были расположенные на реке Терсе селения: Терса (Никольское), Елань (Козмодемьянское) и Матышево, четверть угодий которых по определению Камер-коллегии от 1760 г. полагалось отдать в пользование Морозовым до очередного межевания¹. Но когда для отвода земель сюда с командой приехал Дмитриевский комендант майор Алексей Тархов и начал межевать земли от устья реки Терсы и вверх по Медведице до увала Боров², он встретил там приказчика Нарышкиных Егора Дубровского, который, собрав множество малороссиян, не допустил межевщиков до дальнейших работ³ [12, л. 143 об., 431 об.–432].

В ноябре 1761 г. из Шацка по упомянутому делу отправлен поручик Никифор Храмов с управляющим Нарышкиных для взыскания с ясачных крестьян этих посёлков платы за владение землёй и высылки их на прежние места жительства. Приехав на завод, по словам Морозовой, отнял у них заводские плотины с построенными на них мучными мельницами, а также угрожал изгнанием из слободы малороссиян и приписных заводских крестьян. По поводу приписных крестьян Дмитриевская канцелярия разъяснила, что завод был построен здесь по указу Берг-коллегии, а таких заводов никому закрывать не позволено, иначе будет «объявлен жестокой гнев, неотложное телесное наказание, смертная казнь и лишение всех имений», поэтому выслать приписных крестьян никак нельзя. Правда, Храмов рапортует, что кроме приписных крестьян обнаружил при заводе и других

¹ В последующем в спорных межевых делах 1802–04 гг. между ясачными крестьянами и поверенными господ Нарышкиных, последние пытаются распространить решение по упомянутому судному делу о высылке ясачных крестьян (приводится дата решения 8.10.1761 г.) также и на ясачных Рудни. Ясачные же во главе с Тулупниковым заявляют, что никаких дел с Нарышкиными у них в Шацке не рассматривалось.

² Здесь на правой стороне Медведицы в 15 верстах от завода находился один из рудников – Боровской.

³ Позднее 25.10.1762 г. Камер-коллегия просит не отводить Морозовым эти земли, из-за возможного утеснения соляных возчиков слободы Краснояровка (которая к тому времени уже попала под управление Нарышкиных).

сторонних людей, живущих своими дворами [12, л. 150 об., 193 об.–195, 431 об.].

В следующем году Е. А. Нарышкина с детьми Александром и Львом 06.11.1762 г. подают челобитную сразу на имя Екатерины II, в которой излагают своё видение событий. Компаньоны в 1740-х гг. построили завод, показав, что «старинные и крепостные Шубенской и Медведицкой по рекам Медведице, Илавле и Терсе бортные ухажьи» якобы находились на диких порожних землях. Морозовы же под прикрытием завода (который с 1758 г. не работает из-за отсутствия инструментов и мастеров) как помещики пользуются пашенным угодьями, сенокосами, лесами, рыбными ловлями, а также приписными крестьянами и малороссиянами. Нарышкины просят завод уничтожить, а Морозовых отстранить от владения их крепостными землями, взыскав плату за пользование согласно Берг-регламенту (в то время 2 % от объёма выпуска), либо вместо платы отдать Нарышкиным приписанных к заводу людей. Кроме того, они просят отписать на них мельницы, построенные Морозовыми без надлежащего разрешения и не положенные в оклад [12, л. 140–144].

Начинается пространная переписка между ведомствами, в которой, пока только от Московской берг-конторы, начинают высказываться идеи о закрытии завода: «не соблаговолено ли будет завод за леностное ее производство уничтожить». Вновь проявляет себя Кольцов, который в 1763 г. делает последнюю попытку завладеть заводом.

Между тем Морозова тоже не сдаётся и предпринимает новые отчаянные попытки спасти завод. В отсутствие содействия от Берг-коллегии в поиске мастеров 12.07.1763 г. они с сыном были на Залипецком Истинском железном заводе, где нашли доменного и двух молотовых мастеров с подмастерьями, которых привезли на завод 28.07.1763 г. По словам Морозовой, они намерены были приступить к работе 02.08.1763 г., но не были допущены приказчиками Нарышкиных¹ [12, л. 241].

Указом от 25.06.1763 г. Берг-коллегия в очередной раз постановляет провести освидетельствование завода и решает отправить

¹ Впоследствии один из мастеров показывал, что Морозова сама не хотела запускать завод.

туда унтер-шихтмейстера¹ Василия Раздеришина, который не сразу приступил к выполнению поручений, так как, согласно его рапорту, по приезду на завод в конце июля долго болел. 22.12.1763 г. Берг-коллегия просит его ускорить работы. Из анализа других документов, можно предположить, что задержка была связана с тем, что Морозова тоже готовила челобитную на императрицу, которая была направлена 01.12.1763 г. В челобитной заводчика просила допустить их с сыном к управлению заводом, вернуть отнятые Нарышкиными плотину, мельницы и дом (см. далее), а также переданных в другое ведомство малороссиян, и приписать к заводу вновь поселившихся [12, л. 220–230, 288–293].

22.12.1763 г. вместе с первым рапортом Раздеришина в Берг-коллегию поступает и доношение от приписных крестьян во главе со старостой Федотом Поляковым (см. Приложение, №7). Они жалуются на Морозовых, что те без оплаты заставляют исполнять различные их прихоти – крестьяне построили им двор, выполняли домовые работы, косили сено, жали хлеб, держали караул. Причём заводчики оплачивали им только заготовку угля – по 10 копеек за четверть. Видимо от кого-то из многочисленных проверяющих заводским работникам наконец стало известно, что подобные работы на других заводах исполняются по договорной цене, а не бесплатно. Кроме того, приписные крестьяне упоминали про притеснения и со стороны малороссиян и просили перевести их в город, причислив к Дмитриевским бобылям².

Раздеришин закончил описание завода только в феврале 1764 г., заключив, что из текущего состояния пустить его невозможно: доменный горн совсем развалился, а молотовая фабрика совсем ветхая (правда, начата постройка ещё одной, а мастера заявили, что завод можно запустить в течение месяца). Он оценил, что залежей руд на рудниках хватит ещё на 10 лет работы завода, а лесов – на 12 лет. Привезённые Раздеришиным образцы в конце апреля исследовал берг-пробирер, который оценил выход в разме-

¹ Шихтмейстер – младший горный чин XIV класса, мог занимать должность руководителя рудника, на казённых заводах – сменного мастера.

² Если бы это произошло, мы могли бы найти потомков заводских рабочих только среди жителей Камышина, однако все они и в последующие годы проживали в Рудне и Русской Бундевке.

ре 15 ½ – 16 ¾ фунтов чугуна из пуда, что признано достаточным содержанием железа [12, л. 234–236 об., 242, 294–296, 321 об.].

После отъезда Раздеришина давление со стороны приказчиков Нарышкиных достигло предела. 31.03.1764 г. в Дмитриевскую комендантскую канцелярию поступила жалоба от Морозовой на приказчика Егора Дубровского, который, не допускает к работе новых мастеровых рабочих, а ранее сорвал работу команды Тархова для отвода к заводу земель с угодьями. Наконец, разобрал дом Морозовой при нижней мельнице¹ и перевёз его в село Рудню, а в селе сломал избу с сенями и чуланом на скотском дворе. Затем всё это он собрал на конском дворе Морозовой, огородив свои новые постройки забором, который снял от дома Морозовой. Как видно из последующих документов, приказчик проживал там с 25.05.1765 г. [12, л. 243–256 об., 315–318 об.].

Обращение Морозовой на имя императрицы не помогло. 13.08.1764 г., после очередного слушания дела, Берг-коллегия решила, что Морозова больше завод содержать не способна, поэтому постановила снова дать публикации о продаже завода, тем более что сама Морозова ещё в 1762 г. была готова продать завод. Для надлежащей оценки стоимости завода снова учинить опись, а объявления опубликовать, в том числе и в центральных газетах в Москве и Санкт-Петербурге². В сентябре-октябре соответствующие указы и промемории разосланы в Берг-контору и местные канцелярии: Астраханскую губернскую, Саратовскую воеводскую, Черныярскую, Дмитриевскую и Царицынскую комендантские, и даже в Московский университет и канцелярию Академии наук. Однако охотников на покупку завода не нашлось [12, л. 258–276].

Дмитриевская канцелярия выступала на стороне Морозовых. Своим доношением в Берг-коллегию от 03.02.1765 г. (получено только 02.06.1765 г., когда объявление о продаже завода уже вышло в центральной прессе) она сообщала, что Морозовы и далее

¹ Согласно подробному описанию 1758 г. во дворе заводчицы при нижней мельнице имелись: горница, изба, между ними сени, и другие строения – баня с предбанником, сарай, амбар, птичная изба, имеется также опись внутренней обстановки и личных вещей [10, л. 66–67].

² Объявление о продаже завода вышло в Санкт-Петербургских ведомостях в номере за 25.02.1765, с. 9.

намерены содержать завод, поэтому с приказчика Дубровского даже взята подписка о непричинении обид Морозовым. Но, видимо, завод было уже не спасти, так как Нарышкины крепко взялись за дело. 01.07.1765 г. они подали новую челобитную на имя императрицы, в которой предлагали забрать завод себе и возобновить прибыльное производство, для чего просили освободить их от платежа за десятину на 10 лет и передать им приписных крестьян [12, л. 292–299].

Последние годы завода

После публикации объявления в Астрахани желающих купить завод не нашлось. С оценкой также возникли сложности, никто из местных купцов заводов не имел, поэтому Дмитриевская комендантская канцелярия затруднялась провести объективную оценку. Тогда Астраханская губернская канцелярия 26.01.1765 г. поручила коменданту Дмитриевска полковнику Петрулину для описания и оценки самому ехать на завод, куда он и прибыл 05.03.1765 г. с двумя первостатейными купцами Матвеем Портновым и Потапом Сидоровым. Но, как было сказано, в Дмитриевске благоволили Морозовым (не желавшим продавать завод), поэтому Петрулин в изложенном 18.05.1765 г. мнении заявляет, что завод возможно восстановить, а руды для его работы достаточно. Он повторяет предложения Морозовых приписать к заводу ясачных крестьян ближайших посёлков и возратить от Нарышкиных малороссиян. Результаты инспекции Петрулина донесены из Астраханской губернской канцелярии в Берг-коллегию только 5.09.1765 г. В материалах дела содержится и реестр приписных крестьян за подписью Морозовой (см. Приложение, № 8), в котором они перечислены отдельно тремя группами: не годные в работу по состоянию здоровья (и престарелые), годные в работу и малолетние. Как видно из дальнейшей переписки, в Берг-коллегию этот реестр из Астрахани не поступал, в доношении приводятся только его итоги: не годных в работу – 30, годных – 42 и малолетних – 21¹. В результате сум-

¹ При этом в реестре годных в работу 41 человек. Кроме того, если учесть всех упомянутых в списке родственников, результаты по группам будут выглядеть следующим образом: 33, 52 и 26 человек соответственно.

мирования получается 93, хотя в аналогичном доношении из Дмитриевской канцелярии в Берг-коллегию с результатами работы Петрулина указаны 132 души [12, л. 320–323 об., 327–329, 342–343, 356].

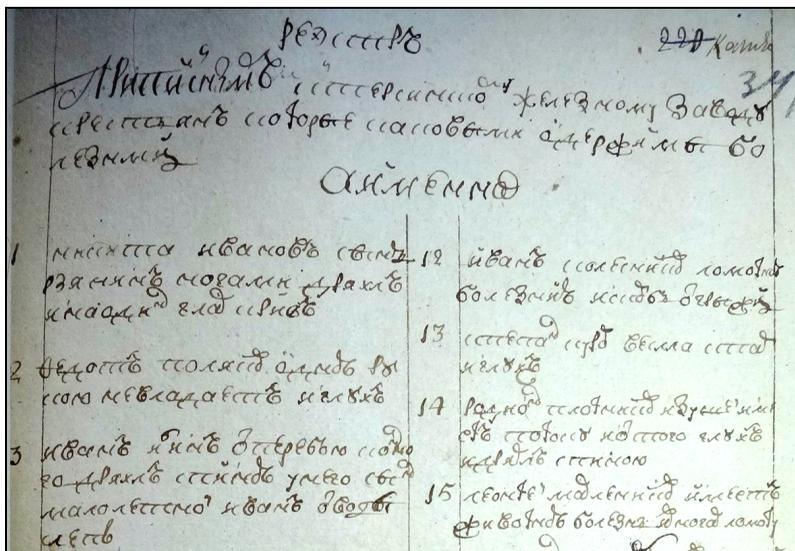

Рис. 2. Фрагмент реестра приписных крестьян Терсинского завода за 1765 г.

Интересно описание ближайших селений, содержащееся в сказке Морозовой Петрулину от 05.03.1765 г. Поблизости от завода находились селения Саратовского уезда Астраханской губернии: село Рождественское (Усть-Добринка) – в 12 верстах, село Покровское (Верхняя Добринка) – 25 вёрст, село Козмодемьянское (Грязнуха) – 30 вёрст, Золотовская волость – 90 вёрст (а также малые поселения от неёпоблизости от завода), слобода Никольская (Красноярковка) по реке Медведице (ранее бывшая в ведомстве Низовой соляной конторы) – 20 вёрст. Вверх по Терсе располагались селения ясачных крестьян Завального стана Керенского уезда: посёлок Матышев – 25 вёрст, село Никольское (Терса) – 65 вёрст, село Дмитрия Ростовского нового Чудотворца (Елань) [12, л. 328 об.–330, 345 об.].

В переписке последующих лет Морозова продолжает настаивать на восстановлении завода и недопущении посторонних лиц до его оценки и продажи, предлагает конкретный план работ для запуска производства. Ведомства же всё ещё решают, каким образом будет проведена оценка. Нарышкины снова подают челобитную на императрицу. В 1766 г. дело передаётся для рассмотрения прокурору Петру Хитрово. Возникает вопрос о наличии у Морозовой капитала для содержания завода. Она оперативно принимает в компаньоны иностранца Семёна Одлера, заключая 06.07.1766 г. с ним контракт, по которому получает от него денежный капитал в размере 500 руб. (по версии Одлера – 1000 руб.), с условием употреблять его как на нужды завода, так и для поддержания работы мельницы, а также рыбной ловли, кошения сена, запашки земель. Одлер поначалу активно взялся за содействие. Так, его стараниями по определению Саратовской воеводской канцелярии в августе 1766 г. велено послать подпоручика фон Винклера для отмежевания земель под заводом. Однако, позже между ними возник серьёзный конфликт (здесь он подробно не рассматривается).

В следующие годы на рассматриваемых территориях начинается новый процесс, который, пожалуй, поставил окончательный крест на перспективах существования завода. Речь идёт о начале заселения окружающих земель немецкими колонистами. В 1763, 1764 и 1765 гг. были выпущены ряд указов и других руководящих документов для регулирования данного процесса¹, которым управляла Канцелярия опекунства иностранных². В процессе проводившихся в 1767–72 гг. Рудне опекунских межеваний земли, на которых находились заводские рудники, отошли под поселение иностранных колонистов [12, л. 380–381, 409].

Итак, к делу подключилось новое ведомство, которое составило своё собственное мнение на ситуацию (не в пользу Морозо-

¹ В частности, [34, Т. XVI, № 12095; Т. XVII, № 12519]. Подробнее об опекунском межевании см. статью «Новые сведения по истории возникновения и развития сл. Успенской (Рудня) в XVIII в.», опубликованную в настоящем номере.

² Канцелярия опекунства иностранных – центральное государственное учреждение, созданное в 1763 г. для управления процессом поселения иностранных колонистов.

вой). Так, в поданной Канцелярией опекунства иностранных промемории в Берг-коллегию 03.06.1768 г. предложено казенных мастеров и других работных людей распределить по другим заводам (кроме хлебопашцев, которых оставить, отмежевав им землю), а если найдутся не учтённые – приписать их к дворцовым волостям (также с выделением земли). Заводчице за эти отписанные души выдать деньги из казны, а во владении землёй и прочими угодьями отказать. Особо отмечено, что заводчица уничтожает лес, «который по тамошнем безлесным местам всеми силами сохранять надлежит стараться». Наконец, рудники теперь располагались на землях иностранцев, которые едва ли будут согласны на отпуск руд другому владельцу. На основе всех этих фактов канцелярия полагала гораздо более полезным, «если оной завод вовсе будет уничтожен», но окончательное решение предложила принять Берг-коллегии [12, л. 380–381], [18, л. 1–3].

На заводе и слободе малороссиян начинают работать межевщики. Для Морозовых это стало угрозой потери существенной части доходов (в частности, от продажи сена). Вдова отчаянно подаёт жалобы на межевщиков, которые сводятся к ограничениям возможности пользоваться лесными и сенокосными угодьями. Так, она сетует, что межевщик Родичев, который жил в Рудне с декабря 1766 г. по март 1767 г., подпиской обязал заводских крестьян ни под каким видом не рубить сырого леса. В 1767 г. межевщик Тихменев отписал от завода все сенные покосы и угодья [12, л. 434–435]. Тихменев же в рапорте, поданном 18.11.1767 г. смотрителю над межевщиками Панову, показывал (со слов обывателей), что на завод переведено больше леса, чем он приносил прибыли, что при межевании обнаружилось множество пней, а лес почти весь выведен [18, л. 1–2].

В процессе опекунского межевания (по Рудне его результаты были утверждены в 1772 г.) выяснилось, что после 3-й ревизии в 1767–68 гг. при коменданте Петрулине к заводу было приписано 14 человек поляков, хотя приём иностранцев уже был прекращён «запретительным указом» [34, Т. XVII, № 12793] – отцы их вышли из Польши, а сами они были рождены в России, поэтому выслать их было некуда. Из переписки межевщика с Канцелярией опекунства иностранных не видно, было ли дано разрешение оставить этих крестьян и отмежевать на них землю – по-видимому,

да, так как в 4-й ревизии они записаны¹. На собственных же крестьян Морозовой землю выделять не разрешили [18, л. 6, 8, 10–11].

Пожалуй, окончательно все «точки над і» по поводу того, кто этой истории прав, а кто виноват, может расставить доношение от заводского мастера Ивана Андреева сына Соболева, поданное в Берг-коллегию 16.04.1769 г. (поступило 25.06.1769 г., доложено 27.07.1769 г.). Мастер сообщает, что Морозова получает прибыль от молотовых мельниц, а не от завода, и притесняет приписных крестьян и мастеровых. Он утверждал, что она не намерена была восстанавливать завод, так как когда он предложил ей возобновить производство, то был бит за непослушание. К тому же Морозовы выживают с завода мастеровых – двоих отдали в рекруты, а его хотят отдать в лопатники. Узнав об этом, он отлучился в Москву, где и подал челобитную в Берг-коллегию о защите, прося перевести его на другой завод [12, л. 385–386 об.]. Однако пикантность данной ситуации заключается в том, что работник с фамилией Соболев не выявлен ни в одном заводском списке, нет его и в 4-й ревизии 1782 г. Возможно, это один из мастеровых, которые были привезены Морозовыми с Истьянского завода в 1763 г., а затем уехал из Рудни, но тогда он должен был попасть в последний список с реестрами, который привёз Петрулин в 1765 г. Впрочем, эти реестры были поданы со сказкой самой Морозовой, которая могла представить в них информацию в нужном для неё свете.

Дальнейшее детальное делопроизводство по заводу не выявлено. Известно, что по последнему рапорту Морозовой от 1770 г. Берг-коллегия подготовила экстракт только через пять лет – 11.12.1775 г., который был заслушан ещё через полтора года 03.05.1777 г. с определением снова освидетельствовать завод. Но ещё через год было принято уже окончательное решение: по определению от июля 1778 г. решено завод уничтожить (изъять в казну), Морозову за нерадение из заводчиков исключить, решение же в отношении мастеров и приписных крестьян, а также земель, на которых был построен завод – отдать на откуп Астра-

¹ В конце сказки числятся «присланные при указе из Дмитриевской гражданской канцелярии после бывшей 763 года ревизии в 768 году мая 14 дня» [22, л. 1024–1025 об.]. Большая часть из них носят фамилию Поляков.

ханской губернской канцелярии (предлагалось передать приписных крестьян в казну). Соответствующий указ Берг-коллегии в Астрахань был направлен только через 3,5 года – 15.01.1782 г., а получен 1.07.1782 г. [12, л. 475 об.–476], [13, л. 513 об.].

Приписные крестьяне – профессиональный состав и динамика численности

Выявленные списки позволяют рассмотреть виды профессиональной занятости работников завода. Кроме мастеровых на заводе в 1747–56 гг. работали несколько плотников (Беляев, Русков, Мордвинов¹), мельник (Мельников, он же плотник), кирпичник (Горшенин/Горшешников). Остальные разнорабочие преимущественно занимались углежжением и подвозкой угля («у зжения и воски угля»)².

В своей сказке, поданной в 1765 г. Петрулину, Морозова подробно описала виды работ (и плату за них), которые выполняли заводские приписные крестьяне – видимо, чтобы показать их большую занятость, хотя завод уже давно стоял без действия. Несут караульную службу при заводе и выполняют прочие лёгкие работы: очищают около домны мусор, перебивают и высевают из него чугунную дробь (за что прежде производилась плата по полушке с пуда), измельчают руду и высевают из неё мелочь, просеивают уголь. Малолетним (от 7 до 15 лет) поручались следующие работы: при вычистке из доменного горна горячего угля – заливают его водой и выбирают в четверть (за четверть угля плата 3 копейки), при производстве кирпича – носят в горн скаты (плата – по 3 деньги от сотни, а когда выбирают из горна – по 2 копейки), при доменном литье – просеивают песок и очищают отлитый товар (плата – 2,5 копейки), при засыпке горна – носят мусор и воду. Однако сами приписные крестьяне ещё в 1763 г. заявляли, что плату «толк получали за одни уголья по десяти копеек за четверть» [12, л. 231–231 об., 346].

¹ В 1754 г. – числятся только первые два из них, в 1756 г. – последние два и ещё трое.

² Руду преимущественно привозили на завод малороссияне, они же занимались заготовкой дров для углежжения.

У заводских крестьян уже в 1759 г. был виноградный сад, имелись пчельники [11, л. 151 об.]. Близ самой слободы ими были заведены плодовые сады, а для проезда на их земли собственными силами сооружён мост через Терсу¹, и отделен водопой [1, л. 64 об.].

Некоторые фамилии приписных крестьян связаны с их профессией или происхождением. Так, Мельников был мельником, Мордвинцевы – из мордвы, Поляковы – из поляков, у мастера И. А. Кузнецова отец был кузнецом. По национальному составу среди приписных крестьян присутствовали далеко не только русские. В 1747 г. семь семей из основного состава были из мордвы (кроме Мордвиновых это Андреев, Бебишев, Коростылев, Чаропин, Шибаев и один бесфамильный), один татарин (Девяткин), один чуваш (Чеметов/Шеметов), 3 поляка (Поляковы²).

Динамика численности приписных крестьян Терсинского завода выглядит следующим образом. В мае 1745 г. (переписаны ещё в 1744 г.) приписаны 59 душ мужского пола, из них годных в работу – 28 человек, негодных (престарелых и увечных) – 9, малолетних – 18, умерло (с мая по октябрь) – 4, [8, л. 129 об.]. В 1747 г. – 45 дворов и 87 душ мужского пола, кроме того (сверх этого числа), 22 человека больных и увечных. По состоянию на июль 1751 г. Морозов сообщает, что из указанных 87 человек выбыли 17 (16 умерли, 1 взят в рекруты), плюс неработоспособных 23 человека, кроме того с ними проживают 65 человек женщин и детей, не занятых в работах [6, л. 118]. Согласно росписи Княгинкина за 1754 г., на заводе числилось 66 работников. По описи Селиванова за 1756 г. – 53 работника, плюс 9 человек не помнящих родства.

Опись Непряхина 1758 г. отличается от всех предыдущих списков, так как в ней перечислены все ревизские души (обоих полов с малолетними и немощными), всего 268 человек (подробнее см. выше). В 1761 г. Храмцов насчитал 60 дворов приписных крестьян [12, л. 150 об., 193 об.–195].

¹ Мост через Терсу находился у впадения в неё Щелкана, примерно напротив поворота улицы Горной после нынешнего въезда в село Бундевку. Он обозначен на межевых планах (см. Рис. 3 на стр. 208) [5].

² Кроме того, в 1768 г. приписаны ещё 14 поляков, большинство из которых также имеют фамилию Поляков, за исключением Блинова и Короткова.

Данные 3-й ревизии 1763 г. пока не выявлены, а численность, приведённая в документах несколько разнится: 182 души мужского пола¹ [12, л. 386], по другим данным 184 душ [2, л. 7 об., 54 об.], [18, л. 6–7], [4] или 186 душ мужского и 187 женского пола [22, л. 1025 об.].

В 4-й ревизии 1782 г. насчитывается 240 мужчин и 244 женщины [22, л. 1025 об.], в 5-й ревизии 1795 г. – 266 и 235 [3], [24, л. 876], в 6-й ревизии 1811 г. – 313 мужчин [24, л. 876].

Бывшие приписные крестьяне Рудни, начиная с 4-й ревизии были причислены к ясачным крестьянам. Причина определения их именно к ясачным заключалась, вероятно, в том, что в округе находились и другие посёлки ясачных крестьян, положенных в подушный оклад, о которых говорилось выше (Терса и Елань – на Терсе, Князевка, Нежевина и Колено на Медведице), которые также возникли на бортных ухажьях вотчинных земель Нарышкиных. Именно в Поволжье существовала особенность, когда бортные ухажья облагались ясаком [36, с. 359, 363].

Заключение

В качестве ключевых факторов, препятствовавших прочной постановке заводского производства на Терсинском заводе, приводятся следующие: отсутствие капитала у наследников Морозова, низкое качество местных руд и недостаток лесов [30, с. 125], [33, с. 179, 216].

Сюда также можно добавить следующие причины. Во-первых, дефицит кадров, особенно мастеров, из-за малолюдности окружающих мест, сложности в найме рабочих со стороны (и в покупке крестьян) и отсутствия реальной помощи со стороны Берг-коллегии в предоставлении или обучении мастеров. Во-вторых, разлад между компаньонами, который наметился почти сразу, вероятно из-за неосуществления общих надежд найти месторождения серебра, и несогласованных действий Морозова по постройке именно железодельательного завода. В-третьих, беско-

¹ В доношении Дмитриевской комендантской канцелярии в Берг-коллегию, вероятно, ошибочно отмечено: «приписных к заводу крестьян состоит по нынешней ревизии с малолетними 132 души» [12, л. 343].

нечные тяжбы по неуплате Морозовым податей (в Белгород, в Берг-коллегию), что в итоге привело к длительному отсутствию заводчика по причине ареста. В-четвёртых, большим ударом стала смерть основного владельца в 1756 г. Его наследники, очевидно, не обладали такой же деловой хваткой и не приложили достаточных усилий для сохранения завода, предпринимая, впрочем, регулярные попытки для возобновления производства, которые постепенно приняли характер фикции.

Нельзя не отметить сложности, с которыми столкнулась вдова Морозова после смерти мужа и которые, вероятно, уничтожили в ней истинное желание запустить завод. Первым ударом стало следственное дело по обвинению в корчемстве 1758 г., длившееся до апреля 1759 г., в ходе которого из-за долгого отсутствия заводчицы завод пришёл в упадок. Затем передача в 1759 г. малороссиян в ведомство Низовой соляной конторы, из-за чего Морозовы потеряли большую часть рабочей силы. С 1761 г. нападки Нарышкиных – и потеря дохода от мельниц и возможности приписки новых крестьян. Наконец, опекуновское межевание 1767–72 гг., в ходе которого Морозовы лишились сенокосных угодий, приносящих существенный доход, а также доступа к рудникам. Все эти препоны, вероятно, заставили заводчиков изменить приоритеты и создавать видимость желания сохранить завод, пытаясь прожить за счёт нажитого в предыдущие годы имущества.

Удивительно, как долго тянулась переписка по принятию ключевых решений в истории завода. Так, Берг-коллегия только через семь лет неоплаты пошлин, озаботилась их взысканием, а добилась этого ещё только через три года (арестовав Морозова) – то есть на протяжении 10 лет от завода отсутствовали какие-либо платежи, причём последние три года завод уже работал. Также и решение о закрытии завода было принято только через 20 (!) лет после того, как он окончательно остановился в 1758 г.

Таковы основные факты короткой, но насыщенной истории Терсинского железодельного завода. Надеемся, что исследования в этом направлении продолжатся и далее.

Приложение. Тексты документов

№ 1

1743 г. октябрь. – Список временных работников Терсинского завода.

С целью экономии места в сборнике текст документа размещён по адресу: <http://evsyukov.ru/rudn/1743.html>.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 691. Л. 68–71 об.

№ 2

1747 г. февраля 20 – Указ Канцелярии генеральной ревизии Астраханской губернии компаньонам Терсинского завода П. Кольцову, И. Григорьеву и И. Морозову с приложением списка работников завода, положенных в подушный оклад¹.

(л. 123) Указ Ея Императорскаго Величества самодержицы всероссийской Астраханской губернии ис канцелярии генеральной ревизии о душах мужеска пола железнаго Терсинского завода компанейщиком господину брегадиру Колцову, царицынскому секретарю Ивану Григорьеву, белогороцкому купцу, жителствующему в Царицыне, Ивану Морозову. Понеже имеетца у вас железной завод при реке Медведице на реке Терсе ... (л. 124) ... Того ради по Ея Императорскаго Величества указу и по определению канцелярии генеральной ревизии велено вышепоказанных людей, которыя как волнья люди или разночинцы, дабы не остались праздно без платежа подушного окладу написать в подушной оклад при Терсинском железном заводе, которой состоит за вами компанейщики, платежем тех подушных денег в Царицын в тамошнюю Царицынскую канцелярию, ибо оныя как выше показано, давно (л. 124 об.) с прежних жилищ, еще до прежней переписи отбыли. Другие же в их малолетстве с тех прежних жилищ сведены и снесены. Тако ж некоторые уже родились по сходе отцов их с

¹ Копия извлечена из донесения заводчика И. Морозова в Берг-коллегию от октября 1751 г.

прежних жилищ в разных местах и, переходя, жили по разным местам. И не токмо б чтоб они на их прежних жилищах имели свои дома, или какой крестьянской домовою завод, но тамо об них уже не известно. Ежели их оставить ныне без определения, то они нынешнею перепись приминуют и будут жить по-прежнему бес платежа подушнаго оклада праздно. И когда будет сочинятся переписная книга по городу Царицыну, оного города о подлежащих людех быть в подушном окладе, тогда и тех людей, определенных при Терсинском железном заводе, написать при оном заводе. И впредь до будущаго о подушном зборе положения те подушныяденги платить вам компанейщиком за оных людей в Царицынскую канцелярию с нынешнего 747 году. А кто оныя имяны с их прозваниями, и кому что от роду лет, и отцы их какие люди, и как оттуда, где они родились, отбыли, протчия же, кто по сходе отцов их с прежних жилищ родились – учиня послать в Царицынскую канцелярию при указе ведомость. Тако ж и к вам компанейщиком с приобщением такой же ведомости послать указ. А что было определено и от Дмитриевской ревизии в Дмитриевскую канцелярию сообщено из вышеобъявленных о некоторых людех для збора с них подушных денег – и те подушныя денги за тех людей уже в Дмитриевскую канцелярию от вас компанейщиков не требовать ... Которые же из вышеобъявленных явльшихся родились до прежней переписи, а в ту прежнею перепись не написаны, и стали быть прописные – о тех, где они и у кого после оной прежней переписи жили, выписать из их допросов...

(л. 125) ... Что же [кроме вышеписанных] о некоторых по их допросам явилось:

Иван Иванов сын ДЕРЕБИН, у него брат сведеной Тимофей, родился он в казачьей Чирской станице. Селиван Иванов сын ПЯТИБРАТОВ, которого отец был Пензенского уезду. Степан Антипов, родиною он города Нижняго. Петр Кожевников, города Скопина. А отцы их какие люди были, не знают. И для того их Царицынской канцелярии вновь перепросить. Ежели подлинно они покажут, какие отцы их были и откуда, и явятца волныя люди, а не помещиковы, то Царицынской канцелярии учинить с ними определение написанием их в подушной оклад, ибо по указу из Правителствующаго Сената марта от 26 дня прошлого 746 года велено и по окончании ревизии о явльшихся людех неположенной в

подушной оклад губернским и правинциальным и воевоцким канцеляриям надлежащаяследстви и распределени чинить, как по инструкции о ревизии указом велено. ... Буде же они тож покажут, как и в прежних своих допросех, то их яко не помнющих родства, по силе указа из Правительствующаго сената февраля от 15 дня прошлого 746 года, выслать Царицынской канцелярии для поселения в Астрахань ...

(л. 125 об.) ... Но понеже кроме вышеписанных же о других по осмотру и свидетелству помянутого вахмистра Андрея Дерябина [как о том от него поданным репортом объявлено] показалось, что оные увечны и другими болезнями одержимы, а именно оныя:

(1) Егор Кирилов сын Борисов¹, Переславля-Резанского уезду монастырского села Путянина попов сын семидесят дву годов, стар и дряхл спиною и ногами болен, у него сын Василей дватцети семи, рукою не владеет, одержим ломотною и параличною болезнию.

(2) Михайла Семенов сын Белой, которого отец был города Саратова прежних служб конной салдат, от роду ему пятьдесят два года, глазом не видит или крив и увечен животом.

(3) Петр Федоров сын Черной, от роду ему шездесят лет, отец ево был Пензенского уезду пригородка Макшана дворцовой крестьянин, дряхл и имеет всегда животную болезнь.

(4) Зиновей Агафонов сын Веслогузов, дву лет, которого дед был донской Векшенской станицы казак, а ево сын, а того Зиновья отец, празно живущей, и жив при заводех умре, скорбен животною болезнию и весь опухл.

(5) Мартын Кирилов сын Русков, осмидесят лет, которого отец был Танбовского уезду села Росказова дворцовой крестьянин, дряхл и ослаблен, лежащей давно на одре.

(6) Фома Алексеев сын Шеметов, от роду ему пятьдесят три года, отец ево был казачьего городка Яика казак, дряхл в ногах и в руках ломотная болезнь, увечен животом.

(7) Иван Калинин сын Гончаров, от роду ему пятьдесят шесть лет, отец ево был реки Сиверского Донца казачьего городка Чюгуева, дряхл и увечен животом.

(8) Иван Потапов, (л. 126) от роду ему двенатцеть лет, дет ево был донской Дехтевой станицы казак, а ево сын, а того Ивана

¹ Его сын и внук носили фамилию Кириловы (по отчеству Егора).

отец, празно живущей, и жив при заводах умре, скорбен, с природы глазами нищ.

(9) Алексей Никифоров сын Мордвинов, от роду ему сорок лет, отец ево был Суздальского уезду деревни Стеголцы дворцовой крестьянин, дряхл и разслаблен, и имеет ломотную и животную болезнь, от чего у него и кила¹.

(10) Емельян Федоров сын Девяткин, от роду ему тридцать три года, отец ево был города Касимова новокрещеной татарин, одержим внутреннею и чехотною болезнию.

(11) Логин Лазырев сын Запендряка, от роду ему пятьдесят лет, отец ево был Починковской волости Матвеевского Майдану дворцовой крестьянин, дряхл и во всем цынготная и французская ломотная и животная скорбь.

(12) Давыд Семенов сын Горбунов, от роду ему шездесят девять лет, отец ево был Муромского уезду Спаского монастыря Прохоровской пустыни крестьянин, дряхл.

(13) Иван Петров сын Деребин, от роду ему сорок пять лет, не помнущей родства, одержим весьма тяжкою животною и ломотною болезнию.

(14) Кандратей Мартынов сын Федулов, от роду ему тридцать лет, отец ево был Московского уезду Загвоздинской волости дворцовой крестьянин, от грыжи провалило килу и французская ломотная болезнь.

(15) Кирила Тимофеев сын Мордвинов, от роду ему пять лет, дед ево был Пензенского уезду деревни Коспандей новокрещеной мордвин, а ево сын, а того Кирила отец, празноживущей, одержим цынготною и в ногах (*л. 126 об.*) ломотною болезнями, от чего и ноги засохли, и на оных наломил бугры.

(16) Мирон Федоров сын Востриков, от роду ему дватцет три года, отец ево был Танбовского уезду села Ятмана Углу дворцовой крестьянин, одержим весматяшкою и не изцелною цынготною и французскою, также и ломотною болезнию, от чего и ноги засохли, и на оных наломные великия бугры.

(17) Федор Мартынов сын Русков, от роду ему дватцет лет, отец ево был Танбовского уезду села Рускова дворцовой крестьянин,

¹ Грыжа.

одержим великим опухом и водяною болезнию, и от грыжи живот прогрызло немалою ранюю, и на ногах многия раны и лом.

(18) Михайла Кирилов, от роду ему шездесят два года, отец ево был Переславля-Резанского уезду села Путятина поп, от убою конского спиною болен и дряхл, и глазами не видит.

(19) Илья Андреев, от роду ему семдесят лет, из новокрещеных мордвы Танбовского уезду деревни Атяшева, стар и одержим животною пухотною болезнию, и левою рукою не владеет.

(20) Василей Ларионов сын Карастелев, от роду ему пятьдесят лет, отец ево был Танбовского уезду села Земетчины новокрещеной мордвин, левою рукою от перерезу жил не владеет и дряхл.

(21) Кандратей Исаев сын Соловьев, от роду ему дватцет один год, отец ево был Донскаго войска Есауловской станицы казак, одержим французскою болезнию, и в ногах лом и раны, и весь дряхл, також и на шее раны ж, и ею не владеет.

(22) Яков Никифоров сын Поляков, от роду ему сорок пять лет, отец ево был из за Смоленска города Скола¹ поляк, дряхл и рукою не владеет от перебою стрелю калмыками, (л. 127) у него брат двоюродной Василий Кирилов весьма немощен и одержим цынготною болезнию и безумен.

А компанейщик Морозов показал, что подлинно стары, дряхлы, увечны и одержимы болезнями, как и по осмотру вахмистра Дерябина явилось, и от оного поданным репортом показано. И за тем де оныя люди как на их заводах, так и нигде ни в какой работе быть и пропитать себя не могут. Чего ради вам компанейщиком их на заводы ис платежа подушного оклада принять не можно. ... И для того вышеобъявленных людей престарелых, дряхлых и увечных и болезнями одержимых Царицынской канцеляри определить при Царицыне в богаделню², или ежели тамошня в Царицыне богаделни утеснены, то оставить при железных заводах компанейщиков и взять у компанейщика Морозова такую подписку, чтоб они не шатались и не бродили, а были от того завода неотлучны. Но понеже из них некоторыя есть такая, которыя еще летами не стары, каковыя либо могут от болезней получить свободу. Когда же таковыя получают от тех болезней свободу,

¹ В настоящее время, по-видимому, г. Сколе в Львовской области Украины.

² Согласно 16-му пункту вышеприведённой инструкции.

тогда Царицынской канцелярии написать в подушной оклад при заводех ваших компанейщиком или при Царицыне з другими тамошними людьми, положенными в подушной оклад, как то оною Царицынскою канцеляриею разсудитца, и того чтоб онаыя люди, получа либо от болезней свободу, не могли жить праздно бес платежа подушного окладу наикрепчайше смотреть и наблюдать.

На помянутые же (л. 127 об.) Терсинские железные заводы из разных мест пришед живут малоросияне по приему и дозволению компанейщиков и впредь при оных заводах желают жить. И вы компанейщики содержать их хотите, о которых, как свидетелствовано и допросами их исследовано оказалось, что они подлино малоросияня, а в ынструкцы, состоявшейся о нынешней ревизи в 14-м пункте написано: понеже по имянным Ея Императорскаго Величества указом, состоявшемся в минувшем 742-м году маяя 21, июля 3 чисел велено малоросиян никому, кто б какого звания и достоинства ни был, во услужение себе никакими образы в вечное холопство ни укреплять, а содержать их во услужени по доброволному их желанию, безо всякого принуждения, и на крепостных девках и жонках под неволею не женить, а ежели кто и доброволно женится, таких по женам потому же не крепить, но и с теми женами быть им свободным. Буде же кто на них хотя крепости и писма имеют – оным быть недействительным, и для того при генеральной ревизии, ежели явятца малоросийцы – всех и з детьми их для одного толко известия, сколко оных всех будет переписать особою порознь, показав, которя из них желают у кого и где доброволно во услужени и на пашнях жить, напримом им объявить, что та их перепись чинитца, как вышепоказано, токмо для одного известия, а не для с них каких поборов или государственных податей, а которя ни у кого жить не пожелают – тем по силе вышепомянутых указов дать свободу, и написать их особо ж. А вышеписанныя малоросияне, пришед на железной завод, живут доброволно, и вы, компанейщики, (л. 128) по их доброволному желанию при своем заводе содержать имеете, чего ради они тут и переписаны. Того ради им с их детьми и родственники, имеющимися при них, учинить ведомость с показанием им лет и которых они мест, и оную тож для известия об них послать в Царицынскую канцелярию [которая и послана], а такова ж ведомость при сем вам компанейщиком и посылаетца. И компанейщиком господину бригадиру Колцову, секретарю Григорьеву и купцу Морозову, о том ведать и учинить по Ея Императорскаго Величества указу.

На подлинном указе в ручках пишут: Василей Потресов, секретарь Терентей Васильев, подканцелярист Дмитрей Хохрулин. февраля 20 дня 1751¹ году.

(л. 128 об.) Ведомость² новоопределенным к Терсинским железным заводам для платежа за них подушного оклада, кто онья-имяны с их прозваниями, и кому что от роду лет, и отцы их какие люди были и как оттуда, где они родились, отбыли, протчие же по сходе отцов их с прежних жилищ родились.

*Наименования колонок*³: Кто имяны с их прозваниями; что кому от роду лет; отцы их какие люди были, и как оттуда, где они родились, отбыли.

Савелей Егоров сын Кирилов 25 лет (умре), у него брат Василей 22 года, сын Иван 2 года. Дед был ево поп Переславля-Резанского уезду села Путянина, которое село Московского Ивановского девичья монастыря, откуда он Савелей сведен отцом ево в малых летех, а брат ево Василей родился по сходе отца ево с прежнего жилища, и жили они с ним отцем своим в Пензенском уезде и в донских казачьих станицах.

Федот Афанасьев сын Поляков 35 лет. Отец ево был поляк в Полше, взят и оттуда вывезен в Россию четырех лет капралом Гаврилом Шманиным, а которого он был полку, не знает, и воспитан им лет до десети, и как оной капрал умре, сошед жил он по разным донским казачьим станицам.

Алексей Сидоров сын Беляев 35 лет (плотник). Отец ево был Починковской волости села Полякова Майдану дворцовой крестьянин, откуда сведен отцево, когда он был пяти лет, и жил в донских казацких станицах, где отец ево и умре.

Нестер Петров сын Черной 5 лет (дряхл). Отец ево Петр Федоров [которой дряхл и одержим животною болезнию] показал,

¹ Так в ркп. Должно быть 20.02.1747 г. (см. л. 118). Этот указ получен Царицынской комендантской канцелярией 14.03.1747 г. (см. л. 181 об.).

² Ведомость приложена к указу Астраханской канцелярии генеральной ревизии от 20.02.1747 г.

³ В документе ведомость оформлена в виде таблицы (см. Рис. 1 на стр. 71). Пометы слева от таблицы («умре», «дряхл», «плотник» и т. п.) приведены в скобках, они датируются не позднее июля 1751 г.

что отец ево был Пензенского уезда пригородка Макшана дворцовой крестьянин, откуда он Петр отцем ево сведен, когда он был двенатцет лет, и жил с ним отцем своим по разным местам, а по смерти ево по донским казачьим станицам.

(л. 129) Тимофей Михайлов сын Мордвинов 38 лет (плотник). Отец ево был мордвин Пензенского уезду мордовской деревни Каспанды и по смерти оногo отца своего сошел оттуда крестьясь в веру греческого исповедания в том же уезде в разнo поселенном селе Мочкас, жил тут и потом в казачьих донских станицах.

Макар Мартынов сын Русков 35 лет (плотник). [Отец ево Мартын Русков, которой дряхл и в раслаблени] показал, что он Танбовского уезду села Рускова дворцовой крестьянин, откуда с оным сыном своим Макаром, тому пятьдесят сем лет, сошед жил по разным местам.

Федот Васильев 16 лет (кирпичник). Отец ево был Пятиизбянской казачьей станицы казак, откуда сведен вотчимом ево отставным казаком на вышеобъявленной железной завод [которой уже умре], где он живет и поныне.

Иван Федоров сын Бабииков 27 лет (дряхл), у него дети Панкрат 6 лет (умре), Василей 4 года (умре), Осип 1 год (умре). Отец ево был Пятиизбянской станицы казак, откуда он Иван сошед живет на том же железном заводе.

Никита Иванов сын Шибавев 30 лет, у него брат Семен 15 лет, сын Яким полугоду. Отец ево был Арзамаского уезду новокрещеной мордовской деревни Кутузовой дворцовой крестьянин от которого он родился по сходе ево с прежнего жилища в Пензенском уезде в селе Верхней Мазе, откуда сведен отцемево когда он был пяти лет, и жил в казачьих донских станицах.

(л. 129 об.) Лаврентей Логинов сын Запендрякин 3 года. Отец ево Логин Запендрякин [которой дряхл и одержим цынготною французскою и ломотною болезнями] показал, что отец ево Лаврентьев был Починковской волости Матвеевскаго Майдану дворцовой крестьянин, откуда сведен отцемево когда был семи лет, и жили в донских казачьих станицах.

Никифор Ильин сын Мякинин 22 года (дряхл и болен). Отец ево был Пензенского уезду села Перевесья дворцовой крестьянин, откуда он когда был семнатцети лет, сошед жителство имел по разным местам.

Федор Иванов сын Крылов 22 года (взят в рекруты губернии). Отец его был Синбирского уезду села Тамышева дворцовой крестьянин, откуда сошел, когда он он был семи лет, жил по разным местам.

Петр Мартынов сын Федулов 30 лет. Оного отец был Московского уезду Загвоздинской волости дворцовой крестьянин, откуда сведен он матерью своею в малых летех на железной завод Московского купца Василья Озерова, имеющей в Новопавловском уезде, и тамо жив шесть лет, мать его умре, а он потом жил по разным донским казачьим станицам.

Иван Федоров 43 года (дряхл и болен), у него дети Андрей 10 лет, Алексей 7 лет (дряхл и болен). Родиною он Нижегородского уезду, отец его был дворцовой волости села Майдану Винного будник, что жигали поташ, и оттуда по смерти отца сведен он матерью своею, когда он был трех лет в Володимерской уезд в село Баево, и жил тамо года с три, мать его умре, а он по смерти ее жил по разным местам.

(л. 130) Евдоким Семенов сын Горбунов 48 лет (стар и дряхл), у него дети Терентей 15 лет, Панфил 10 лет (в учениках при домне), да внук Иван 1 год (умре). Отец его был Муромского уезду Прохоровской пустыни крестьянин, и когда та пустыня уничтожена и монахи сведены к Мурому в Борисоглебской монастырь, и тогда той пустыни крестьяня приписаны к дворцовым волостям, оттуда он Евдоким сошел жил по разным местам.

Захар Иванов 22 года. Отец его был мордвин Шацкого уезду мордовской деревни Чирязмерки, откуда сошел жил по разным местам.

Игнатей Тимофеев сын Чеметев 40 лет (дряхл). Родился в Пензенском уезде в чюваской деревни, а как той деревни звание не знает, ибо оттуда в полон взят калмыками трех лет, и отбит от тех калмык казачей Пятиизбянской станицы казаками, где и крещен в веру греческого исповедания, и о том ему сказывала, как он пришел в возраст, мать его крестная той Пятиизбянской станицы казачья жена, и по возрасте отошел оттуда жил по разным донским казачьим станицам.

Петр Степанов сын Попов 44 года (умре), у него сын Алексей 18 лет. Отец его был поп Танбовского уезду села Росказава, откуда когда он был одного году свезен им отцем его в донскую в

Старогригорьевскую станицу, где жили лет з дватцать, и как отец ево умре, жил он в той же и потом в других казачьих станицах.

Семен Афанасьев 41 год. Отец ево был Танбовского уезду села Верятина дворцовой крестьянин, и как он был двенатцети лет, сошли они с отцем в тот же уезд в село Сосновку, где жив года с полчетверта отец ево умре, а он после ево жителство имел по разным местам и по казацким станицам.

(л. 130 об.) Федор Александров 25 лет. Родился он от матери своей незаконно в Керенском уезде в ясашном селе Невешкине, которая ево воспитала лет до десяти, и как мать ево умре, жил он по разным местам.

Аким Наумов сын Горшешников 32 года (кирпичник). Отец ево был Танбовского уезду села Росказова дворцовой крестьянин, откуда когда он был семи лет, по смерти отца и матери ево, сведен дядею своим родным на Дон в казачью Арчадинскую станицу, где жив лет с семь, дядя ево тут оставил одного, и жил он Аким по ним один по разным местам и по казацким станицам

Матвей Максимов сын Мелников 37 лет (плотник и мелник), у него сын Яков 10 лет (дрякл). Отец ево был Московской губернии Танинской волости дворцовой крестьянин, где оной отец умре, а он с матерью когда был тамо хлебу недород, сошли как он был по четвертому году на реку Бузулук в Дурновскую станицу, где жив лет с пять, мать евоумре, а он после ее жил по разным казачьим донским городкам.

Григорей Семенов сын Сонин 35 лет, у него сын Егор 5 лет. Отец ево был Танбовского уезду села Семенина дворцовой крестьянин, откуда по смерти того своего отца, когда он был пяти лет, сведен матерью ево войска Донского в Урюпинскую станицу, где жив лет з десить, мать ево умре, а он после ее жил Донского войска в казачьих станицах.

(л. 131) Федор Лукьянов 33 года, у него пасынок Козма Алексеев $\frac{1}{2}$ года (умре), брат родной Степан 27 лет. Отец ево был Керенского уезду села Невешкина дворцовой крестьянин, откуда снесен отцем своим, когда он был четырех лет на Дон в Филоновскую станицу, где жив, отец ево умре, а он после ево жил в той же станице и в Керенском уезде в селе Николском что на речке Терсе.

Савелей Исаев сын Соловьев 24 года, у него сын Трофим 2 года, брат Кирила 23 года. Отец ево был войска Донского Есау-

ловской станицы казак, откуда по смерти отца и матери их сошед жили по разным донским казачьим станицам.

Алексей Матвеев сын Бирюков 23 года. Отец ево был Володимерского уезду Ставрова дворцовой крестьянин, где и умре, а он когда был лет с четырнатцеть, сошедши с того села жил по разным местам.

Кирила Васильев 21 год. Родиною он Донского войска Филоновской станицы прижит матерью ево незаконно и жил по разным местам.

Дементей Антропов 24 года (учеником при домне). Отец ево был войска Донскаго Етеривской станицы казак, где и умре, и оттуда когда он был лет пятнатцети от скудости сошед жил по разным местам.

Тимофей Васильев сын Карастелев 20 лет, у него братья Софрон 17 лет, Яков 4 года (умре). [Отец их Василей Ларионов, у которого левая рука косою кисть и жилы порезаны и ею не владеет] показал отец ево – был Танбовского уезду села Земетчины дворцовой крестьянин из новокрещеных мордвы, откуда он Василей когда был лет дватцети, сошел и пропитание имел по разным местам.

(л. 131 об.) Иван Афанасьев сын Поляков 30 лет (в смертном убивтъи, под караулом в Царицыне), у него сын Антон 15 недель (умре). Отец ево был поляк, ис Полши во время тамо бытия российского войска, когда он был трех лет и з матерью ево взят драгуном, а как ему имя и прозвание, не знает, и привезен им в Ливинскую черкасскую слободу, где их и оставил, и жив в той слободе, мать ево умре, а он после ее жил по разным местам.

Федор Михайлов сын Кирилов 23 года, у него брат Михайла 13 лет, Яким 3 года. Дед ево был Переславля-Резанского уезду села Пуятина поп, а отец ево был празношатающей, от которого рождены по сходе отца ево с прежнего жилища, и жили по разным местам.

Козма Михайлов сын Швецов 38 лет, у него сын Андрей 7 лет. Отец ево был Танбовского уезду села Ракши дворцовой крестьянин, а он родился по сходе отца ево в казацкой Михайловской станицы, и как отец ево и мать померли, жив и пропитание имел по разным казацким станицам.

Иван Ильин сын Андреев 37 лет, у него сын Максим 5 лет. Отец ево был Танбовского уезду деревни Атяшевой новокреще-

ной мордвин, и ис того села оной отец ево как отбыл, родился он Иван в донском казацком городке Филоновском, где и жил имея пропитания работою своею.

Макар Иванов сын Еремен 40 лет (дряхл и болен), у него сын Никифор 15 лет (учеником в молотовой). Родиною он Танбовского уезду села Пенков, отец ево был дворцовой крестьянин, где и умре, а как он был трех лет, сведен от скудости матери ево в Инзарской уезд в яшашное село Мачи, и тут жив лет с пять, мать ево умре, а он после ее жил по разным местам.

(л. 132) Никита Иванов сын Рзянин 31 год (дряхл), у него дети Федор 11 лет, Дмитрей 7 лет, брат родной Родион 20 лет. Родиною он Танбовского уезду села Алкужинских Борков, отец ево был дворцовой крестьянин, и когда он был семи лет, по сведении отцем ево жили как был отец ево жив, и по смерти ево по разным местам.

Алексей Козмин сын Бебишев 40 лет (дряхл), у него сын Семен 5 лет. Отец ево был Кадомского уезду яшашного села Шерамашева новокрещеной мордвин, откуда как он был десети лет, сведен оным своим отцем на Дон в Филоновскую станицу, где жив лет з десеть, отец ево умре, а он после ево жил по разным местам.

Тимофей Леонтьев сын Чаропин 35 лет (умре), у него приемьш Мирон $\frac{1}{2}$ года (умре). Родился он Кадомского уезду села Шерамасова – Николскатож, отец ево был новокрещеной мордвин, откуда чему будет з дватцеть семь лет, сведен отцем своим на Дон в казачью Филоновскую станицу, и тут жив лет з десеть, отец ево умре, а он после ево жил по разным местам.

Гаврила Мануилов сын Рзянин 40 лет (умре), у него сын Ефтифей $\frac{1}{2}$ года (умре), да племянник Козма 13 лет (учеником в молотовой). Родиною он Танбовского уезду дворцовой волости села Боркова, отец ево был онога села дворцовой крестьянин, откуда когда он был одиннатцети лет, отцемево сведен на Дон в Усь-Хоперскую казачью станицу, где жил года з два, отец ево умре, а он после ево жил по разным местам.

Иван Иванов сын Елепов 31 год, у него сын Филип 6 лет. Родиною он Инзарского уезду села Мачи, отец ево был того села яшашной крестьянин, откуда отцем своим когда он был пяти лет, сведен на Дон в Михайловскую станицу, где жив лет с пять, отец ево умре, а он после ево жителство имел по разным местам.

(л. 132 об.) Лукьян Максимов сын Тулупников 35 лет (дряхла и болен), у него дети Леонтей 5 лет, Михайла 2 года. Отец ево был Танбовского уезду села Чоркина дворцовой крестьянин, откуда отцемево сведен как он был пяти лет на Дон в казацкую станицу Чыры, где жив лет з десить, отец ево умре, а он после ево жил по разным местам.

Никифор Игнатъев 31 год, у него сын Иван 5 лет. Родиною он Арзамаского уезду Починковской волости ясашной деревни Сарминского Майдану, отец ево был оной деревни дворцовой крестьянин, откуда отцем своим сведен как он был шести лет на Дон в Филоновскую станицу, где жив лет с пять, отец евоумре, а он после ево жил по разным местам.

Степан Васильев сын Кузнецов 30 лет (умре), у него дети Гаврила 8 лет и Мокей 3 года (с матерью бежали). Отец ево был города Касимова Елатмы слободы посацкой, а он Степан родился по сходе отца ево с прежнего жилища в Керенском уезде в селе Кевде, и из онога села когда он был четырех лет, сведен им отцемево на Дон в казацкую Алексеевскую станицу, где жив з год, отец ево умре, а он Степан после ево жил по разным местам.

Федор Андреев сын Поставалов 20 лет (учеником при домне). Родиною он Танбовского уезду села Ракшина, отец ево был онога села дворцовой крестьянин, откуда как он Федор был трех лет, сведен отцемево и при нем и по смерти ево жил по разным местам.

(л. 133) Иван Пахомов 30 лет, у него сын Филип 10 лет, брат родной Иван 22 года. Отец ево был Керенского уезду села Кадыковки ясашной крестьянин, с того прежнего жилища снесен им отцом ево как он был одного года, и с ним и по смерти ево жил по разным местам.

Иван Яковлев сын Долгов – Поляков он же 6 лет. [Отец ево Яков Поляков, которой дряхла и рукою не владеет, от перебою стрелою калмыками] показал, что он родиною полской нацы из за Смоленска города Скола, откуда он в малых летех неведомо каким случаем снесен тем своим отцем на Дон в казацкие станицы, и жил по разным местам.

Скрепка (л. 123–133): С подлинных читал заводчик Иван Морозов

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 691. Л. 123–133.

1752 г. марта 18. – Донесение из Царицынской комендантской канцелярии о сыске не положенных в подушный оклад людей на Терсинском заводе (выписка)¹.

750 году декабря 22 дня в Берг-коллегии определено и посланным в Царицынскую канцелярию 751 году февраля от 11 дня указом велено: чрез нарочно посланных о тех неположенных и ежели найдутся и еще какие беспашпортные и подозрительные люди – то и о том обыскать и изследовать. По изследованию учинить надлежащее разследование и решение по указом и в Берг-коллегию репортовать.

От Царицынской канцелярии сего 752 году марта 18 дня доношением || объявлено. Для де сыску предписанных людей на Терсинской железной завод посылан был оттуда Астраханского гарнизона Царицынского полку поруччик Тимофей Козлов, которому во исполнение оного указу велено, егда по обыску ево на предписанном железном заводе беспашпортныя и другие какие подозрительные люди сыщутся – то б оных для изследования, взяв в Царицын, объявил в Царицынскую канцелярию, тако ж и того завода к заводчику Морозову посланным из Царицынской канцелярии указом было предложено ж, чтоб объявленные люди помянутому поруччику Козлову без утайки конечно б объявлены были. И тако, по возвращении з завода, поручик Козлов при репорте объявил сысканных им при том заводе беспашпортных не положенных в подушной оклад людей 7 человек, а имянно: Родиона Петрова сына Плотникова, Савелья Иванова сына Серикова, Василья Федосеева сына Землянского, Ивана Андреева сына Кузнецова, Леонтья Иванова сына Масленикова, Савелья Тимофеева сына Галкина, Григорья Степанова || сына Бакланова. Которые люди в Царицынской канцелярии с пристрастием под плетью допрашиваны и показали, что ис коих они подлинно мест и какие люди, не знают, ибо де по сносам из жилищ их отцами и матерями в сущем младенчестве в разные города, села и деревни, в которых де местах те их отцы и матери померли, оставя их сущих малых, что ж де и о отчествах своих и прозваний их слышали

¹ Извлечено из экстракта Берг-коллегии к докладу 09.02.1753 г.

они от воспитателей своих, кои их за ради имя Христова на пропитании содержали. А по болшей де части от сызмала питались отродя по миру с нищими мирским поданием за обдержимыми их в руках и ногах ломотными и параличными, а протчие и цынготною болезнми, для чего и на объявленном заводе находились, бродя ж по миру. А в прежню де генералную перепись и нынешнюю минувшею ревизию они нигде как де сами, так и ни от кого объявлены не были, понеже находились в тое перепись и ревизию в разных местах. А паче обращались || в объявленных болезни их, да к тому ж де на воровствах, и разбоях, и ни в каких наказаниях, в отдаче в военную службу не бывали, и не беглые ж чьи крестьяне и не воровые люди¹ ... ||

... По присланному в Царицынскую канцелярию в прошлом 747-м году марта 14 числа Астраханской || губернии из бывшей канцелярии генеральной ревизии о душах мужеска полу указу, велено оставших за распределением на объявленном Терсинском железном заводе между протчих разночинцов увечных и другими болезнми одержимых людей, освидетельствовав, подлинно ль те болезни и учечья они на себе имеют, определить в Царицыне в богаделню. А буде в богаделнях есть утеснения, счислять их при том заводе богаделенными, что ж оные и свидетелствованы. А по свидетелству явились как и вышепомянутыя семь человек стары и дряхлы и увечны. ... Того ради Берг-коллегии Царицынская канцелярия о вышеписанных людех представляет и просит, не повелено ль будет предписанных не помнющих родства людей: Родиона Плотникова, Савелья Серикова, Василья Землянского, Ивана Кузнецова, Леонтья Масленикова, Савелья Галкина, Григорья Бакланова – за их старостми || и дряхлости ... определить и причислить на объявленной же завод, а помянутым имеющимся тамо таковым же богаделенным. И о том в резолюцию Царицынскою канцелярию определить указом. А до той воспоследующей резолюции чтоб оные люди не могли там за теснотою в богаделнях претерпеть за их увечности крайней нужды, велеть быть им на том заводе, для чего дабы при них ведомо было, даны им ис Царицынской канцелярии билеты, а к заводчику Морозову об

¹ Таковых по указу велено было отдавать в богадельни.

оном послан указ и подтверждено, чтобы те люди до той резолюции при заводе были неотлучны.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 691. Л. 179–182 об.

№ 4

1754 г. июль-август. – Список работников Терсинского завода¹.

Роспись мастеровым и работным людем при Терсинском заводчика Морозова заводе

Доменные

1. за мастера Иван Андреев
2. подмастерье Трифан Савельев
3. засыпка² Петр Антонов

Ученики и работники

4. Панфил Евдокимов сын Горбунов
5. Дементей Антропов
6. Козма Гаврилов сын Рзянин
7. Андрей Иванов
8. Федот Васильев
9. Яким Наумов сын Горшешников
10. Тимофей Михайлов сын Мордвинов

Молотовые работники

11. Никифор Макаров сын Еремин
12. Федор Андреев сын Постовалов

Плотники

13. Алексей Сидоров сын Беляев
14. Макар Мартынов сын Русков
15. Матвей Максимов сын Мелников

¹ Извлечён из рапорта И. Княгинкина 06.10.1754 (подан в Берг-коллегию 07.10.1754 г.).

² Т. е. зольник.

У жения и воски угля и в разных заводских работах работники

16. Федот Афанасьев сын Поляков
17. Иван Федоров сын Бабин ||
18. Никита Иванов сын Шибаев с братом
19. Семеном
20. Терентей Евдокимов сын Горбунов
21. Захар Иванов
22. Федор Александров
23. Яков Матвеев сын Мелников
24. Григорей Семенов сын Сонин
25. 26. Федор Лукьянов с братом Степаном
27. Савелей Исаев сын Соловьев с братом
28. Кирилом
29. Алексей Матвеев сын Бирюков
30. Кирило Васильев
31. Федор Михайлов сын Кирилов с братом
32. Михаилом
33. Козма Михайлов сын Швецов с сыном
34. Андреем
35. Иван Ильин сын Андреев
36. Федор Никитин сын Рзянин с братом
37. Дмитрием
38. Родион Иванов сын Рзянин
39. Иван Иванов сын Слепов
40. Никифор Игнатъев
41. 42. Иван Пахомов с сыном Филипом
43. да з братом Иваном

Итого 43 человека ||

Да не могущих быть в работе за старостью и дряхлостью

44. Василей Егоров сын Кирилов
45. Нестер Петров сын Черной
46. Никифор Ильин сын Мякинин
47. Петр Мартынов сын Федулов
48. Иван Федоров
49. Евдоким Семенов сын Горбунов
50. Игнатей Тимофеев сын Чеметов

51. Семен Афанасьев
52. Тимофей Васильев сын Коростелев
53. с братом Софроном
54. Макар Иванов сын Еремин
55. Никита Иванов сын Рзянин

Итого 12 человек

У всех вышепоказанных работных людей имеется налицо малолетних детей положенных по нынешней ревизии в подушной оклад одиннатцать человек.

При том же Терсинском заводе имеют жителство малороссианы сто десять человек, которые за добровольную плату добывают и возят на завод руду, известь и дрова на угольноезжение.

Гитенфорвальтер Иван Княгинкин

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 691. Л. 341–342.

№ 5

1756 г. января 7. – Список приписных крестьян Терсинского завода¹.

1756-го году генваря 7 дня опись Терсинского железнаго завода завотчика Ивана Морозова с компанейщики мастеровым и работным людем и приписным по нынешней ревизии к тому заводу крестьяном по имяном и по годом, и кто с котораго году при том заводе жителство имеет, и какие оные мастеровыя и работныя люди именно, и имеют ли у себя пашпорты, и откуда и какия мастерства имеют, тако ж коликое число при том заводе имеется в заготовлени заводских и протчих припасов и инструментов, и о протчем о том значит ниже сего.

За мастера доменнаго и молотоваго Иван Андреев сын Кузнецов, 30 лет. При том заводе находится по определению и билету от Царицынской канцелярии пятой год, и был при доменной и молотовой работах, когда она быть случалась, отец ево был куз-

¹ Извлечено из донесения в В. Селиванова от марта 1756 г., поданного в Берг-коллегию 04.03.1756 г.. Публикуется только первая часть описи со списком приписных крестьян.

нец Коломенского уезду села Деднова дворцовой крестьянин, которой для работ на разных Резанских и протчих железных заводах в работах бывал, и на заводе Мелякова¹ умре. А он, Иван, остался после ево толко по пятому году, и тамо у Мелякова на заводе вырос, где мало обучась доменной и молотовой работам, ходил и по протчим заводам и по немощи за болезнью своею, оставя оныя, сошел бола в козачье Волское войско, и жил в городе Дубовке з год, и оттуда был на Калачовском сотника Ивана Голубина заводе, а потом, явясь в городе Царицыне в Каменданской канцелярии, и просил за болезнью своею о определение себя в богаделню, точию за устеснением тамо богаделен по желанию ево определен он для пропитания своего при означенном Терсинском железном заводе, где и обретається. ||

За подмастерья Петр Антонов сын, 32 лет. Того Терсинскаго железнаго завода компанейщика действительнаго статскаго советника Колцова собственной крестьянин, находится при том заводе назад тому лет с семь, и обучился той доменной и молотовой работе.

Завоцкия же приписныя Астраханской губернии от канцелярии бывшей генеральной ревизи при том заводе крестьяне, с которого году кто жителство имеют, того имянно не знают, токмо объявили, сколкокто но ныне лет живет и какия мастерства и работы имеют. А именно:

Василей Егоров, 31 году. Живет при заводе лет з 10, находится у жения и воски угля и протчих бываемых потребных завоцких работах.

Федор Афонасьев, 44 лет. В той же работе, живет при заводе 11 лет.

Тимофей Михайлов², 44 лет. Бывает в плотничной и в той же протчей работе, живет при заводе 11 лет.

Макар Мартынов³, 44 лет. Плотник же и бывает в той же работе, живет при заводе лет з 10.

Федот Васильев, 25 лет. У жения и воски угля и протчей бываемой работе, живет при заводе лет з 10. ||

Иван Федоров сын Бабин, 36 лет. В той же работе, живет при заводе 11 лет. У него сын Панкрат, 15 лет, слеп и дряхл.

¹ Подробнее о металлургических заводах Миляковых см. [33, с. 173–174].

² В документе пропущена фамилия: Мордвинов.

³ В документе пропущена фамилия: Русков.

Никита Иванов сын Шибаев, 39 лет. У него брат Семен, 24-х лет. В той же работе, живут при заводе 11 лет.

Никифор Ильин сын Мякинин, 32 лет. При той же работе, живет при заводе з 10 лет.

Петр Мартынов сын Федулов. Плотник, токмо дряхл и болен, живет при заводе з 10 лет.

Иван Федоров, 52 лет. Плотник, дряхл и увечен, живет при заводе з 10 лет. У него дети: Андрей 20 лет, бывает у доменной и молотовой работах, Алексей, 16 лет, остромел и одержим ломотною болезнию и опухом.

Евдоким Семенов сын Горбунов, 57 лет. Стар и дряхл, живет при заводе лет з 10. У него дети: Терентей, 24-х, Панфил 19 лет, бывают у доменной и молотовой работах.

Захар Иванов, 30 лет. Плотник и бывает у зжения и воски угля и протчих работах, живет при заводе 11 лет.

Игнат Тимофеев сын Чеметов, 49 лет. У зжения угля и протчих работах, живет при заводе 11 лет. ||

Семен Афонасьев, 50 лет. У тех же работ, токмо дряхл и слаб.

Федор Александров, 34-х лет. У тех же работ, живет при заводе 9 лет.

Аким Наумов сын Горшенев, 41 году. При деле кирпичном, живет при заводе 9 лет.

Матвей Максимов сын Мелников, 46 лет. Плотник и мелник, бывает у дела и починки плотинной и протчего, токмо дряхл и болен, живет при заводе 9 лет. У него сын Яков, 19 лет, у зжения и воски угля и протчаго.

Григорей Семенов сын Сенин, 44-х лет. В той же работе, живет при заводе 9 лет. У него сын Егор, 14 лет, при той же с ним работе.

Федор Лукьянов, 42 лет. У него брат Степан, 36 лет. В той же работе, при заводе живут 9 лет.

Савелей Исаев сын Соловьев, 35 лет. У него брат Кирила, 32-х лет. В той же работе, живут при заводе 9 лет.

Дементей Антропов, 33-х лет. В той же работе, живет при заводе 9 лет.

Тимофей Васильев сын Коростелев, 29 лет. У него брат Сафрон, 26 лет. В той же работе, живут при заводе з 10 лет.

Федор Михайлов сын Кирилов, 32 лет. У него брат Михайло, 22 лет. При той же работе, живут при заводе з 10 лет. ||

Кузма Михайлов сын Швецов, 37 лет. У него сын Андрей, 18 лет. В той же всякой работе, живут при заводе 9 лет.

Иван Ильин сын Андреев, 36 лет. У него сын Максим, 15 лет. В той же работе, живут при заводе 10 лет.

Никифор Макаров сын Еремин, 24 лет. В той же работе, живет при заводе 9 лет.

Никита Иванов сын Рзянин, 40 лет. Дряхл и скорбен. У него дети: Федор, 20 лет, Дмитрей, 17 лет. В той же работе, живут при заводе 9 лет.

Кузма Никифоров, 22 лет. В той же работе, при заводе живет 9 лет.

Филип Иванов сын Слепов, 16 лет. В той же работе, при заводе живет 9 лет.

Никифор Игнатъев, 40 лет. У него сын Иван, 14 лет, в той же с ним работе. При заводе живет 9 лет.

Федор Андреев сын Постовалов, 29 лет. В той же угольной и протчей работе, живет при заводе 9 лет.

Иван Пахомов, 49 лет. У него сын Филип, 20 лет, да брат родной Иван, 31 года. Находятся в той же работе, живут при заводе 3 9 лет. ||

А протчих более никаких мастерств оныя приписныя заводския крестьяне, тако ж и пашпортов ниоткуда у себя не имеют, кроме того, что дан на них из вышеписанной канцелярии генеральной ревизи заводчиком Ивану Морозову с товарищи указ, при котором по именам их кто откуда и чьи какие бывали люди приобщена ведомость, по которой я очевидную и по дворам имел с оными справку.

При том же заводе в жителстве имеются ис казачьих станиц не помнющие родства по билетом из Царицынской канцелярии 10 человек¹, которыя за старостми и дряхлостми, а протчия за болезнми и за устеснением в Царицыне богаделен, велено от той канцелярии по желаниям их до указу быть при том заводе, а имянно:

Родин Петров сын Плотников, Савелей Иванов сын Сериков, Василей Федосеев сын Землянской, Иван Андреев сын Кузнецов, Леонтей Иванов сын Маслинков, Савелей Тимофеев сын Галкин,

¹ Всего перечислено 9 человек.

Григорей Степанов сын Бакланов, Степан Романов сын Куров, Василий Александров.

Еще ж имеются и бывают по соизволу своим временно для работ, яко по соседству и знакомству, а другия и по свойствам з заводскими приписными крестьяны Керенскаго уезду ис поселков Николскаго – Терса тож, тако ж Елани и Невешкина, которыя состоят не в далности от завода, ясашныя крестьяне, состоящия по ревизии в тех их местах в подушном окладе обще с ясашными крестьяне:

Алексей Иконников с сыном Андреем, Яков Михайлов, Кузма Купреянов, Иван Афонасьев, Иван Трифонов з братьями Степаном и Яковом, а пашпортов у себя не имеют. А прочих мастеровых и работных людей, кроме малороссиян в жителстве не видно и не имеется. А оных малороссиян в жителстве имеется кроме жен и малолетных детей сто пятнадцать человек, и некоторыя из оных писаны во время бывшей при заводе || ревизии, а прочия в нове приходят и отходят и находятся по самоизволу своим в работах, когда действо заводское бывает, то оные посаженноис платы на уголья, дрова, тако ж руду к заводу возят, и прочия, когда бывают работы исправляют, а пашпортов у себя по переходом своим из разных мест с места на места ни откуда не имеют.

...

Скрепка: К сей описи салдат Василий Селиванов руку приложил.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 691. Л. 390–393 об. Копия: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2142. Л. 569 об.–573, 705 об.–709.

№ 6

1758 г. октябрь. – Ведомость Дмитриевской комендантской канцелярии о приписных крестьянах Терсинского завода.

С целью экономии места в сборнике текст документа размещён по адресу: <http://evsyukov.ru/rudn/1758.html>.

РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1160. Л. 45–52.

1764 г. октября 26. – Прошение приписных крестьян Терсинского завода.

Доношение в берг-коллегию от 26.10.1763 г. от приписных крестьян.

№1123. Прислано декабря 22 дня 1763 году. Записав в книгу и реестр, предложить к слушанию.

В государственную Берг-коллегию ведомства Дмитриевской канцелярии заводчиков Морозовых Терсинского их железного завода приписных крестьян старосты Федота Полякова, и редовых Никиты Рзянина, Казмы Швецова, Федора Пустовалова, Ивана Пахомова, Григорья Семенова, Никиты Шибаева, Федота Васильева, Ивана Бабина, Захара Иванова и всех мирских людей

Покорнейшее доношение

В 1741 году бывшим заводчиком Иваном Морозовым, которой умре, сысканы железные руды при реке Медведице, поблизости лежащей в оную реку Медведицу речки Терсе, где и асигновали место завести вододействуемой завод можно, а для пробы помянутых руд зделаны были ручныя печки. И жили на том месте год, и тогда к оной земле владельцев никого не оказалось. А в прошедшем 1742-м году помянутой Терсинской завод по доношению покойнаго заводчика Морозова и по указу Государственной Берг-коллегии и заведен на дикой порожней земле. А к тому заводу по минувшей последней ревизии всего по переписи определено для заводцких работ восемьдесят шесть душ в семигривенном подушном окладе, где и ныне находимся, и те подушныяденги и протчия государственныя подати платим в Дмитриевскую каменданскую канцелярию сами собою бездоимочно, а не заводчики. А заводския всякия работы до 758 году исправляли понеже, что с того года состоит завод не в действии, и весь уже обветшал. А когда в зачатию заводцких работ во первых заводцаю платину, домну, малотовую, да при той же заводцкой платине два анбара мелничных, да на оной же речки Терсе пониже заводцкой платины построили мельницу, и сена кашевали, хлеб жинали безденежно, и ни за что онихзавотчиков платы не получали, толко получали за

одни уголья по десяти || копеек за четверть, и того несколько за ними пропало. Да им же заводчиком построили двор и при доме их всякия домовые работы исправляли, безденежно по неволи. Да при доме ж их сначала и до сего года нароцкой кораул имели, на которой кораул наимали кораулшиков по петнатцати рублей на год. И чего уже не по возможности нашей тот караул и домовых их собственных работ исправлять стало невозможно, понеже что нас малоллюдно, хотя по ревизии нас к тому заводу определено для завоцких работ восемдесят шесть душ, ис которых до сего года тритцать три души разными случаями выбыли, а и исоставшихпристарелых и обдержимых всякими болезинимидвенатцать человек. И теми людмина точию домовых работ, но и завоцких исправить одними нами невозможно, да и не безызвестно ж нам стало, что и на протчих заводах таковым же образом приписныя крестьяня находятся толко завоцкия работы работают ис платы по плакатной цене, а не безденежно, А домовыя и завочиковы работы хотя по случаю и работают же отхочия люди по волною ценою, а не под неволею. Чего ради мы поменуत्या крестьяня в минувшем 762 году генворя 12 дня Дмитриевскою камендатнскую канцелярию доношением просили, чтоб нас Дмитриевская камендантская канцелярия соблаготизволила от того караулу и домовых работ отбавить и о чем Дмитриевская канцелярия заблагорассудила и от тех домовых работ отменила, толко по доношению заводчицы Морозовой и з детми за ссорами нахоящихся у малоросиян действительной штатс дамы Елены Александровны Нарышкиной прикащиков понеже по тем заводам якобы оказалось земля их госпожи Нарышкиной старинная крепостная, и для оных ссор кораул иметь точию на их коште завоцчиков, а не нароцкой. На что Дмитриевская камендантская канцелярия и указ получила || И с того генворя 12 дня до сего года октября по первое число поменутой караул при доме завоцчиков имели, а поменутой платы хотя и по плакатной цене от них завоцчиков не получили. И от той платы они завоцчики вовсе отказали, да и от поменутой госпожи Нарышкиной прикащики и малоросиани нам как от пахотной земли и сенных покосов и протчих угодей отказывают, а до сего года как пахотною землею и сенными покосы и протчими угоды доволствовались безо всякаго препятствия, хотя на завоцчиков завоцкия работы исправляли и бес платы, и ис того

на плотаж государственных податей и пропитания имели без нужды. Понеже что та земля до сего года была прожнея, а ныне поменуत्या прикащики и малоросиани им всячески утесняют, понеже что те малоросиани за поменутой господ Нарышкиною на оной земле живут из оброку. Чего ради в Дмитриевскую камендансткую канцелярию паки сего 763 года апр[еля] в последних числах доношением просили, чтоб нас от того утесния свести к городу Дмитриевску и посадить на грацкаю землю и причислить к Дмитриевском бобылям, а по будущей ревизеи написать в подушной оклад з Дмитриевскими бобылями в равенстве и о чем государственная Берг-каллегия чрез поменутую Дмитриевскую канцелярию может быть не безызвестна.

Того ради Государственную Берг-каллегию мы нижайшие сим нашим доношением все покорньюише просим для завоцких наглых работ и протчих утеснений дабы повелено было Дмитриевской камендантской канцелярии нас по желанию нашему к городу Дмитриевску на грацкою землю || свести и причислить к Дмитриевском бобылям, а в будущаю ревизию написать в подушной оклад з Дмитриевскими бобылями в равенстве. На сие наше доношение милостивою резолюцью учинить. Октября 26 дня 1763 году.

К сему доношению вместе вышеписанных заводцких людей старосты Федота Полякова, и мирских людей Никиты Рзянина, Козмы Швецова, Феодора Пустовалова, Ивана Похомова, Гри[го]рья Семенова, Никиты Шибаета, Никифора Смиронова, Федота Васильева, Захара Иванова, Ивана Бабина и всех мирских людей по их прошению того ж завода заводцкой Успенской церкви священник Феодор Александров руку приложил.

Докладывано генвоя 8 дня 1764 году. Велено по оному доношению, учиня выписку, предложить немедленно.

Канцелярист Михайла Ларионов.

РГАДА. Ф. 271. Д. 1219. Л. 231–232 об.

Копия: Там же. Л. 248 об.–250 об.

№ 8

1765 г. марта 5. Список работников Терсинского завода¹.

Реэстр

приписным к Терсинскому железному заводу крестьян,
которые каковыми одержимы болезнями а именно

1. Никита Иванов сын Рзянин, ногами дряхл и на один глаз крив.
2. Федот Поляков, одною рукою не владеет и глух.
3. Иван Ильин, от перебою конного дряхл спиною, у него сын малолетной Иван от воды слеп.
4. Евдоким Горбунов, стар и от той старости глух и глазами мало видит.
5. Дмитрией Рзянин, стромен ногою и рукою, одержим цынготною болезнию.
6. Игнат Шеметов, весма стар и по времени с ума сходит.
7. Тимофей Мордвинов, стар и глазами слеп.
8. Иван Бабин, от ломоты дряхл спиною, сын у него Панкрат одержим ломотною болезнию и одним глазом не видит.
9. Тимофей Коростелев, на ногах раны и руками стромен, одержим цынготною болезнию.
10. Иван Пахомов, от грыжной болезни животом скорбен.
11. Иван Дерибин, от грыжной болезни животом скорбен.
12. Иван Колесников, ломотною болезнию и скорб от грыжи.
13. Степан Куров, весма стар и глух.
14. Родион Плотников, из ушей имеет потоку и от того глух и дряхл спиною.
15. Леонтей Масленков, имеет животною болезнь и в ногах ломоту.
16. Селиван Петибратов, руками и ногами дряхл.
17. Семен Девяткин, глух и на ногах имеет раны, спиною стромен.
18. Савелей Соловьев, руками и ногами скорбен и животною болезнью имеет.
19. Алексей Никифоров, стар и дряхл.
20. Родион Рзянин, одержим падучею болезнию, у него сын Василей одержим цынготною болезнию.

¹ Подан заводчицей А. Морозовой как приложение к ведомости коменданту Петрулину сказкой от 05.03.1765 г.

21. Мирон Востриков, одержим цынготною болезнию.
22. Петр Федулов, был прежде сего одержим цынготною болезнию в ранах, а ныне оные раны зажили точию, весма дряхл.
23. Афонасей Смирнов, стар и дряхл.
24. Матвей Максимов, стар и дряхл.
25. Дементей Антропов, стар и одержим животною болезнию.
26. Иван Пахомов, одержим грыжнею болезнию.
27. Кирей Васильев, одержим животною болезнию.
28. Григорей Семенов сын Сенин, одержим болезнию ломотною.
29. Никита Иванов сын Шибаев, одержим болезнию ломотною.
30. Федор Мартынов сын Язынин, одержим ломотною болезнию.

Реэстр
приписным к заводу годным в работу
коликое число людей а именно

1. Лаврентей Иванов сын Сухов.
2. Трофим Савельев сын Соловьев.
3. Козма Михайлов сын Шевцов, у него сын Андрей.
4. Федор Лукьянов сын Валиков.
5. Терентей Евдокимов сын Горбунов.
6. Федот Васильев сын Горшенин.
7. Максим Иванов сын Рылщиков.
8. Михайла Михайлов сын Адамов, у него брат Еким.
9. Федор Михайлов сын Адамов.
10. Федор Никитин сын Рзянин.
11. Софрон Васильев сын Коростелев.
12. Тимофей Яковлев сын Дерибин.
13. Василей Александров сын Киселев.
14. Иван Васильев сын Землянской, у него брат Артамон.
15. Федор Никитин сын Галкин, у него брат Фока.
16. Иван Костентинов сын Шевалдаев.
17. Дементей Родионов сын Плотников.
18. Лаврентей Кузнецов.
19. Семен Емельянов сын Девянкин¹.
20. Никита Герасимов сын Смирнов, у него брат Андрей.
21. Григорей Иванов сын Куклин.

¹ Так в ркп. Должно быть Девяткин.

22. Терентей Васильев сын Бирюлин.
23. Никифор Марков сын Еремин.
24. Яков Степанов сын Куров.
25. Евсей Иванов сын Чернышев.
26. Иван сын¹ Савельев.
27. Нестер Петров сын Чернов.
28. Лаврентей Логинов сын Запендрикин.
29. Андрей Иванов сын Колесников.
30. Егор Григорьев сын Сенин.
31. Захар Иванов сын, у него зять Василей, брат у Василья Симон.
32. Василей Осипов сын Манулов, у него брат Михайла.
33. Семен Иванов сын Шibaев.
34. Леонтей Лукьянов сын Тулупников, у него брат Мануйла.
35. Григорей Жеренбов².
36. Петр Коростелев.
37. Козма Тимофеев, у него брат Никита.
38. Никифор Игнатьев сын Смирнов, у него сын Иван.
39. Григорей Степанов сын Бакланов.
40. Кузма Никифоров сын Рзянин.
41. Филип Иванов сын Слепов.

Реэстр малолетным

1. Дмитрий Кузмин, у него брат Емельян.
2. Зиновей Никифоров сын Еремин.
3. Михайла Макаров сын Еремин.
4. Василей Петров, у него брат Василей, племянник Никита.
5. Сергей Григорьев сын Сенин.
6. Иван Федоров сын Язынин, у него брат Лазарь.
7. Василей Смирнов.
8. Павел Тулупников.
9. Степан Иванов сын Дерибин.
10. Артем Иванов сын.
11. Федор Иванов сын Шолмов.
12. Фома Федоров сын Смирнов.
13. Прокофей Коростелев.

¹ Так в ркп. Пропущено отчество.

² Так в ркп. В ревизии Жеребцов.

14. Мосей Иванов сын Колесников, у него брат Филип.
15. Семен Федоров Валиков.
16. Сидор Логинов сын Запердякин¹.
17. Семен Терентьев сын Горбунов.
18. Афонасей Селиванов сын Пятибратов.
19. Семен Иванов сын Сухов.
20. Митрофан Федоров сын Рзянин.
21. Павел Васильев сын Кисеев².

К подленным реэстрам руку приложила заводчица Анна Морозова.

РГАДА. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 1219. Л. 347–349.

Список источников и литературы:

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3389.
2. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3794.
3. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 3797.
4. РГАДА. Ф. 1335. Оп. 2. Д. 4492.
5. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 429, ч. 1. Д. У5(кр).
6. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 691. 1740 г. Дело о рудах, сысканных Царицынской Канцелярией секретарём Григорьевым и белгородским купцом Морозовым, и о построении на речке Терсе завода. 402 л.
7. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 981. №6 1753 г. По прошениям заводчика Терсинского железного завода Морозова, о распечатании и об отдаче ему описных, при оном его заводе, пожитков.
8. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1006. 1745 г. Дело по указу Сената, об учинении ведомостей по всем заводам.
9. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1097. №3. 1744 г. О бахмутских рудах, найденных в Бахмутской провинции и в прочих разных местах. 76 л.
10. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1160. №1. 1758 г. По доношению из Дмитриевской комендантской канцелярии, что на Камышевке, о требовании указа о взятии по корчемному делу Терсинского железного завода Морозова (Морозовой) и прочих к тому делу потребных, того же завода, жителей.

¹ Так в ркп. Должно быть Запендрякин (Запендрикин).

² Так в ркп. В ревизии Киселев.

11. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1176. №6. По прошению детей заводчика Терсинского железного завода Морозова о высылке со оного завода малороссиян на прежние жилища.
12. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1219. №5. 1762 г. О Терсинском железном заводе Морозова в Астраханской губернии.
13. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1371. 1778 г. Ведомость о недействующих заводах.
14. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2052. №9. 1753–61 г. Об отсылке малороссиянина Сидора Вдовина и заводчика Ивана Морозова в Тайную канцелярию по некоторому делу.
15. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2057. №22. 1759 г. Дело заводчиков Морозовых о молотовом мастере.
16. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2118. №1. 1760–67 г. 1760 г. По челобитью Терсинского железного завода заводчиков Анфима, Николая, Елены Ивановых детей Морозовых о приписке к заводам их крестьян и мастеровых людей.
17. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 2142. Дело №22. 1756 г. По Челобитью умершего заводчика Ивана Морозова жены его вдовы Анны Петровой с сыном Анфимом Морозовым об отдаче ей после мужа её Терсинского завода во владение и о прочем. №23. Дело по челобитью действительного статского советника Кольцова и при том выписки о допущении по прежнему по объявленному вновь контакту в компанию в Терсинском заводе умершего заводчика Ивана Морозова с женою его Анною Петровою и с сыном Анфимом Морозовым и о прочем.
18. РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 115.
19. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1355.
20. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3484.
21. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3490.
22. Государственный архив Саратовской обл. (ГАСО). Ф. 28. Оп. 1. Д. 22.
23. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 73.
24. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 124.
25. ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1107.
26. Григорова В. А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья и их влияние на развитие промышленного производства во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... доктора истор. наук. Тамбов, 2017. 157 с.
27. Зворыкин А. А. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Т. 1 Исследование и документы М.: Углетехиздат, 1949. 458 с.

28. Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. XXXII. Тамбов, 1891.
29. Кушева Е. Н. Хозяйство саратовских дворян Шахматовых в XVIII веке // Известия Академии наук СССР. Отд-ние гуманитарных наук. 1929. № 7. С. 575–693.
30. Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.). [Ленинград]: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1937. 304 с.
31. Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Вып. 1–4. Саратов, 1898–1902.
32. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России: Исследование и документы / Сост. под руковод. проф. А. А. Зворыкина. М.; Л.: Углетехиздат, 1952. 356 с.
33. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 564 с.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г. В 45 т. СПб., 1830.
35. Рзянин А. А. Рудня - Камышинская (краткий исторический обзор VII-XIX вв.). Л., 1988.
36. Самигулов Г. Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.
37. Свистунов В. М., Меньшенин Н.М., Самигулов Г.Х. Первые демидовские заводы на Южном Урале. Челябинск: Изд-во ООО «Рифей». 2007. 184 с.
38. Синельникова В. В., Гончаров В. А. Откуда железо? Из Рудни, вестимо... // Газета «Трибуна» Руднянского р-на. 2018. 26 июн. (Вып. 72).
39. Хорошунов Е. В. Руда нашей земли // Газета «Ленинское знамя» (г. Камышин). 1986. 18 янв.

Редактор-издатель НВИС ЦГО:

Астафьев Евгений Владимирович

председатель Царицынского генеалогического общества (г. Волгоград / г. Саратов),
вице-президент Российской генеалогической федерации (г. Москва)

Редакционная коллегия НВИС ЦГО:

Клейтман Александр Леонидович

доктор исторических наук, директор ГБУ «Волгоградский областной научно-
производственный центр по охране памятников истории и культуры» (г. Волгоград)

Материкин Александр Васильевич

кандидат исторических наук,
Заслуженный работник культуры РФ (г. Волгоград)

Моников Сергей Николаевич

кандидат географических наук, доцент кафедры географии,
геоэкологии и теории преподавания географии
Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
председатель и учёный секретарь Волгоградского отделения
Русского географического общества (г. Волгоград)

Плешаков Иван Николаевич

кандидат исторических наук, член Российского общества историков-архивистов
(г. Саратов / г. Санкт-Петербург / г. Москва)

Рябов Сергей Иванович

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России (г. Волгоград)

Сизенко Андрей Григорьевич

кандидат исторических наук, преподаватель,
главный редактор альманаха «Донской архив» (г. Ростов-на-Дону)

Издание этого выпуска сборника

осуществлено на средства:

Евгения Владимировича Астафьева,
Ираиды Ивановны и Вячеслава Ивановича Лежнихин,
Ирины Николаевны Машканцевой,
Сергея Викторовича Монахова,
Ольги Валерьевны Назаровой,
Олега Александровича Филимонова

Все выпуски Нижне-Волжского исторического сборника ЦГО
в электронном виде доступны для скачивания на интернет-ресурсе
«Российская научная электронная библиотека»: www.elibrary.ru

Научно-популярное издание

**Нижне-Волжский исторический сборник
Царицынского генеалогического общества**

Выпуск 15 (2022)

Вёрстка *Е. В. Астафьев*
Оформление *Е. В. Астафьев*

Подписано в печать 20.06.2024. Формат 60x84/16
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,00. Уч.-изд. л. 13,95.
Тираж 300 экз.